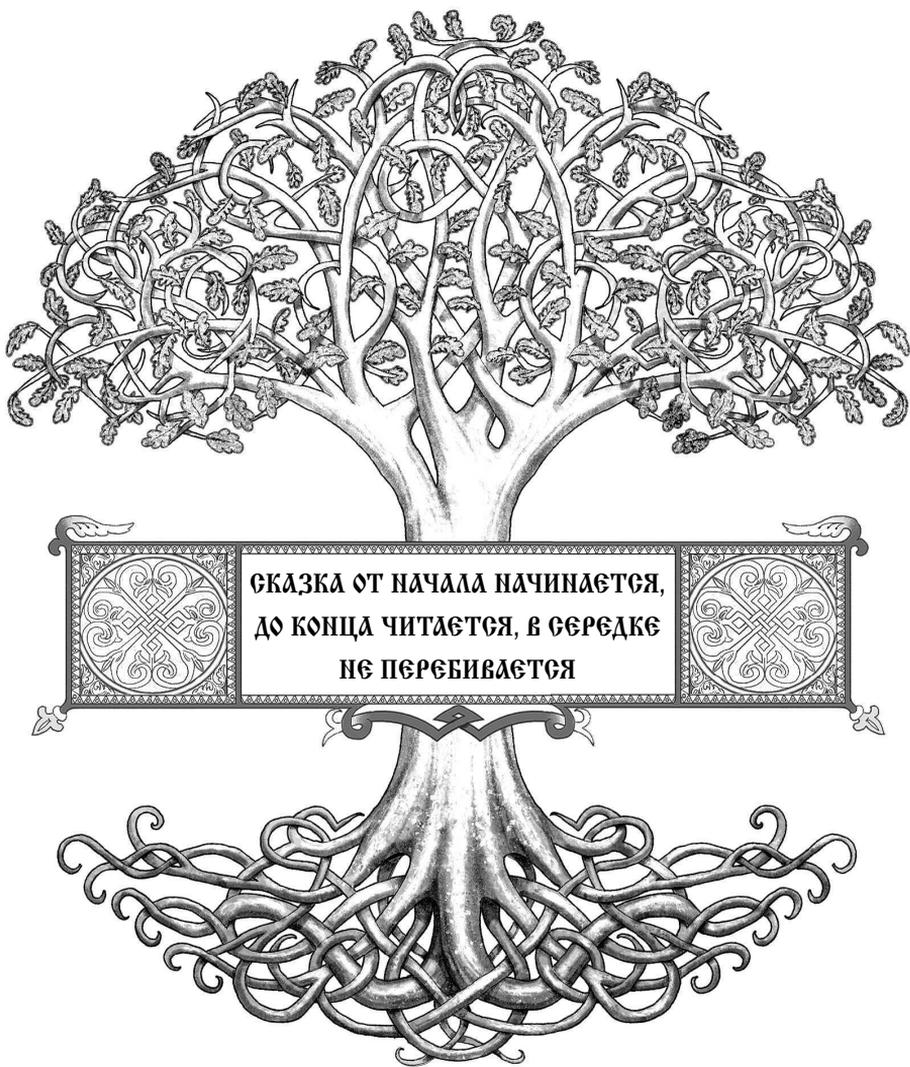

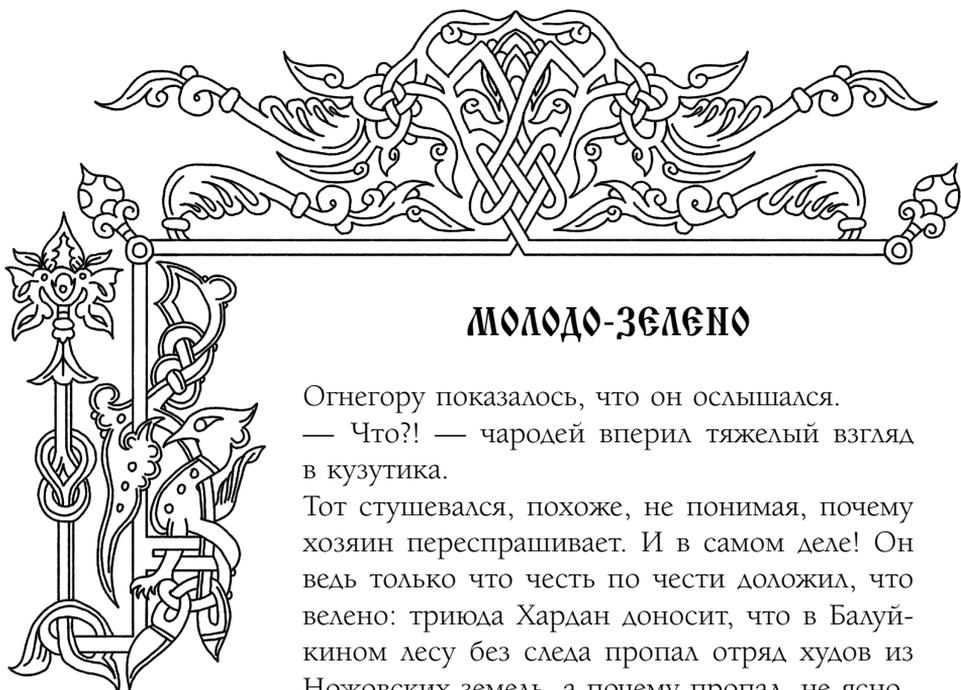
СОДЕРЖАНИЕ

Молодо-зелено	7
Отголоски прошлого	21
Искушение	59
Поединок без оружия	159
Первая попытка	219
Хозяин Черной пуши	229
Канун праздника	281
Что-то найдешь, что-то потеряешь	291
Рачиха	331
Не свое дело	345
Перемудрости	413
Будничный шабаш	462
Старая осина	473
Те, кого питает Тьма	511
Скрещенные сабли	521
Нетерпение	559
На пороге	568
Дополнительные материалы	573
Карты	574
Краткий словарь	578

СКАЗКА ОТ НАЧАЛА НАЧИНАЕТСЯ,
ДО КОНЦА ЧИТАЕТСЯ, В СЕРЕДКЕ
НЕ ПЕРЕБИВАЕТСЯ

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

Огнегору показалось, что он ослышался.

— Что?! — чародей вперил тяжелый взгляд в кузутика.

Тот стушевался, похоже, не понимая, почему хозяин переспрашивает. И в самом деле! Он ведь только что честь по чести доложил, что велено: триюда Хардан доносит, что в Балуйкином лесу без следа пропал отряд худов из Ножовских земель, а почему пропал, не ясно.

Задумчиво почесав ухо, нечистик рассудил, что если повелитель не понял, то нужно повторить, но громче.

— Триюда Хардан велел передать, что мурин, посланный в Балуйкин лес, не смог найти... — затараторил было кузутик, но колдун прервал его раздраженным жестом.

Иногда Огнегор забывал, что колдовские службы не понимают все тонкости человеческой речи.

— Можешь не повторять.

— Дай работу, хозяин. Работать хочу.

Давненько ему не приходилось давать указания жадным до работы кузутикам. Их рьяный голод до дел обычно утоляли шутики-надзорники, для того и созданные, чтобы освободить хозяина от нужды занимать служек.

— Ступай в зерновое хранилище, — за долгие века Огнегор научился отговоркам, вроде «собери все шишки в лесу», а потому особо не раздумывал, — пересчитай каждое зернышко, доложи о результатах шутику-надзорнику.

— Спасибо, хозяин!

Кузутик резво побежал прочь, а колдун тихо выругался сквозь зубы. Ножовский отряд все-таки потерял, даже копитары не уцелели. Что же там случилось? Опять лесные духи? Или на этот раз — русичи? А может, яги? Они в Балуйкином лесу давно обосновались, худы по дурасти могли с ними сцепиться... Чтоб им всем пусто было. И бестолковым худам, и тем, кто их угробил! В последнее время Огнегору докучали лишь дурными вестями, и воодушевления это не прибавляло.

Получивший возжеленное задание кузутик едва на пороге не врезался в колени высокого, широкоплечего человека в дорогой, но простого кроя темной одежде, как нельзя лучше подходящей своему обладателю. Вошедший красотой и так не блистал, а вечно то ли сосредоточенное, то ли недовольное выражение, застывшее на лице как маска, добавляло его образу суровой серьезности. Ярозор, верный помощник Огнегора, искусный зодчий, изобретатель, был из тех, кто родился с двумя правыми руками и двумя левыми ногами. Все ему было по плечу, любую задумку повелителя умел воплотить в жизнь, да так, что все диву давались. Ярозор и без волшебства мог выстроить царские палаты и придумать любое диво, но ему повезло родиться еще и прирожденным чародеем. Волшебство дало искуснику силу, Тьма определила путь, а Огнегор придумывал достойные его мастерства деяния.

Рукастых Огнегор любил, он и сам изредка баловался резьбой по дереву. Ярозор же прекрасно разбирался в горных делах, не хуже краснолюдов¹. Именно он возглавлял строительство Громовых Палат, а сейчас был занят новым убежищем в Вертогорье. Такому гостю хозяин Бугры-горы был всегда рад, хоть и не ожидал сейчас увидеть, а потому встретил приветливо:

— Какими судьбами, с чем пожаловал, мастер Ярозор?

Колдун-зодчий на мгновение замялся, возводить подземные залы ему было привычнее, чем выстраивать по порядку слова. А может, одичал в обществе нечистых служек-камнетесов, подзабыл, как вежливые беседы вести.

¹ Краснолюды — диволуды, живущие внутри гор. Искусные мастера-каменщики, создающие целые подземные города.

— Э-э-э... Да вот, повелитель... зашел мое почтение выказать, — запинаясь, начал зодчий. — И доложить. Мы... э-э-э... прошли уже треть туннеля, но дальше наткнулись на базальтовый пласт. Нашими инструментами там не обойдешься, а волшебой — затратно, и слуг, и чародеев не хватает. Нужны зачарованные буры. У нас тут, в закромах, они точно есть, с прошлого раза остались. Окажи милость, вели выдать.

Ярозор бросил взгляд на лицо хозяина и осекся, вспомнив, что ненужные подробности Огнегора удручают. Мастер стусевался и дернул плечом, собираясь учтиво откланяться, но Огнегор его остановил:

— В остальном все идет хорошо? К сроку управишься?

— Так как же иначе? — удивился искруник. — Когда же я вас подводил, повелитель?

И то верно, на Ярозора всегда можно положиться, один из немногих надежных.

— Время ойбеда, пойвелитель, — шепелявый голосок Линялы, донесшийся из-за спины строителя, раздался так неожиданно, что мастер аж вздрогнул.

Обедать так обедать. Огнегор любил застоля, и не только из-за самой еды, хотя до сих пор, несмотря на более чем солидный возраст, испытывал наслаждение от вида и запаха красиво поданных любимых блюд, от их вкуса — то пикантного и острого, то нежного и мягкого. Помимо этого, привлекала хозяина Громовых Палат возможность изложить перед сотрапезниками свои идеи, обсудить, поспорить, а иногда и просто посплетничать. Подобные разговоры помогали выбрать важное и отсеять ненужное, придать мыслям стройность, а сплетни — узнать что-нибудь новое и подчас интересное.

В одиночестве Огнегор есть не любил, но чести разделить с ним трапезу удастаивались немногие. Чаще всего это был кто-то из старших чародеев-соратников, а если никого приличного под рукой не оказывалось, приходилось сажать за стол кого-то из шутиков-надзорников... хотя с этими никакого обмена мнениями, разумеется, не было/

— Отобедай-ка со мной, Ярозор, — хлопнул в ладоши колдун, указывая на широкий стол, к которому уже бежали с разно-

образными блюдами проворные кузутики. — Посидим рядком, поговорим ладком. О нужном инструменте не переживай. Линяло тебя проводит и все выдаст/

Ярозор ожидаемо смутился и пробасил:

— Да некогда мне долго э-э-э... расслаживаться. Как бы э-э-э... не напортачили там без меня, — однако, увидев, что хозяин нахмурился, мастер тут же осекся и зачистил: — Спасибо э-э-э... за честь. Перекушу маленько и побегу.

Странный он. Нет бы, наслаждаться всей полнотой жизни, радоваться тому, что есть, так об одной работе и думает. Чародей с наслаждением вдохнул аромат приправленного майораном и эстрагоном мяса. Нежное получилось, сочное, чуть розоватое, во рту само тает. И соус к нему правильно приготовлен, расстарался кухарик Пузанчик. Под такое мясо стоит выпить немного настойки на шестидесяти шести травах, рецепт которой Огнегор лично у одной старой ведьмы выпытал.

Ярозор тяпнул наполненный радушным хозяином кубок, даже не распробовав. Да разве так надо пить драгоценный бальзам? Сначала следует втянуть ноздрями тонкий аромат, потом повертеть в руках, прогреть немного, еще раз вдохнуть, сделать глоток, перекатить во рту огненную жидкость, проглотить, выдохнуть, ощутить послевкусие. Почувствовать, как разливается по жилам тепло и целебная мощь подобранных с умом трав. Сколь долго ни живи на свете, а есть вещи, которые никогда не наскучат...

Да только не дано угрюмому зодчему ценить жизнь и наслаждаться ею, молод еще, торопится все время куда-то, без работы не может, что твой кузутик... Когда-то, очень-очень давно, таким был и Огнегор, но с тех пор минули века...

Возмужав, чародей научился вовремя останавливаться и как следует отдыхать. Никому бы не пришло в голову обвинить его в лени — нет, он умел полностью отдаваться работе, но ценил и те редкие минуты отдыха, которые ему выпадали. Все те же беседы за столом Огнегор расценивал как приятное времяпровождение. Правда, сейчас его говорить не тянуло — похоже, сказались на настроении дурные вести о сгинувшем отряде и накопившаяся усталость.

Жаль, тело с годами не молодеет, приходится прибегать ко всяческим ухищрениям, чтобы поддерживать его в приличном состоянии. Прожитое, что пролитое, не воротишь. Огнегор украдкой бросил взгляд на свое отражение в большом зеркале на стене. Да уж, видок неважный — под глазами мешки, на лбу и щеках — глубокие морщины, хорошо хоть борода скрывает дряблую шею.

Увял лицом чародей. Так ведь и пожил немало, а пережил — и того больше! Под погоду еще и старые раны да переломы болят, только мази волшебные и спасают. Волей-неволей задумаешься о неминуемом конце. Смерть Огнегора не страшила, но с годами он научился ценить свою жизнь и умирать не собирался — слишком много дел задумано, кто их сумеет до ума довести, если не он? Таким, как Ярозор, нужны наставники и повелители, а уж остальному стаду — тем более.

— Откушай ветчины, Ярозор! — не выдержал Огнегор, глядя, как мастер упорно накладывает себе в блюдо одни лишь жареные куриные крылышки. — Отменная ветчина, свиной откармливают особыми желудями и каштанами. А к ней закуска из грибов редкостных, земляных...

— Спасибо, — рассеянно ответил зодчий, но так к ветчине и не притронулся. Зато спросил, пряча глаза: — А не скажешь, повелитель, э-э-э... где Нияда сейчас э-э-э... обретается?

О чувствах, которые питал искусник к красотке-ведьме, Огнегор прекрасно знал, и его немало забавляло, что бугай в летах сохнет по девке, как безусый юнец. Любовь? Выдумки. Нет никакой любви, есть лишь страсть и утехи тела, да и те Ярозору не светят. Нияда мужчин терпеть не может, так что зодчий только время тратит.

— Уехала Нияда, по делам. — Огнегор неторопливо отправил в рот печеночный хлебец. — На север. Разыскивает для меня кое-что.

Ярозор враз поскучнел, допил свой кубок, провел по губам рукавом и поспешил откланяться:

— Спасибо за честь и угощение, повелитель. Да только дело стоит, надо бы уже сегодня э-э-э... успеть новые буры приспособо-

бить. Есть еще одна задумка, как наладить подачу воды в верхние палаты... э-э-э... как сделаю, покажу.

Огнегор вместо ответа кивнул Линяле, мол, проводи зодчего-колдуна в хранилище горных инструментов, а сам отодвинул тарелку и задумчиво провел пальцем по густой брови, провожая Ярозора взглядом. Отличный ведь мастер, сколько всего дельного напридумывал. Одни светильники в галереях чего стоят! Стены теперь освещаются живым огнем особого бездымного масла, что бежит по длинным желобкам с высокими бортиками. Пламя горит ровным, красноватым светом, подсвечивая древний камень и давая достаточно света, чтобы оценить красоту обтесанных кварцевых плит; и эти огненные линии тянутся по всей длине проходов, по обе их стороны, словно указывая нужное направление. Вроде бы мелочь, но с появлением новых светильников Громовые Палаты враз заиграли особыми красками, раскрылась грандиозность задумки чертогов, сотворенных сплавом волшбы и разума.

Только ненадежен Ярозор, ох ненадежен, пусть и допущен в ближайший круг, единомышленником его не назвать. Зодчего не волнуют замыслы Тьмы, он не разделяет чаяний самого Огнегора — труяге бы только бурить, камень тесать да день и ночь над своими чертежами корпеть. Еще эта непонятная безнадежная страсть к Нияде! Женщин надо усмирять и брать приступом, а не турусы на колесах разводить. Видимо, правда — слишком он молод, чтобы это понять.

Впрочем, Нияда и в самом деле хороша, не отнимешь, так что мастера-простака понять можно. Перед чарами некоторых девиц устоять бывает ох как непросто. И не важно, чародейка ли это прирожденная или сельская простушка. Если знает, как распорядиться своей властью над мужчиной, — жди беды... Знали мы таких... Хозяин Громовых Палат устало прикрыл веки.

Обида выжигала его изнутри. Как она смеялась! Как смела она так смеяться?!

Огнегор с изумлением ощутил, что пальцы с силой сжимают подлокотники кресла. Вот только старых воспоминаний не хватало! А ведь он умеет владеть собой, редко дает выход гневу, но сейчас треклятая память сыграла с ним злую шутку, услужливо

напоминая о начале его пути. О юности, когда он еще не носил имя Огнегор...

В те поры он остро ощущал, что не такой, как все. Его сотоварищи были рослыми, статными, с правильными чертами лица и веселыми, открытыми душами. Все Первые люди были такими, а он непонятно в кого уродился — худой, маленький, большеголовый, с длинным острым носом, тонкими губами, горчичного цвета глазами навывкате. Не красавец, что уж там, но пускай ростом не вышел, зато умением да упорством брал!

Недаром же его родители к волхвам-наставникам отрядили, чтобы ума-разума набрался. Он и набирался, потому как сызмальства ощущал в себе невероятную силу и делал все, чтобы овладеть ею в полной мере. Когда другие сбегали водить хороводы, усердно постигал азы волхвования, потому что знал: вот выучится — и отправится со старшими в другие земли. Говорят, началась война за души людские! Все чаще поминают некую Тьму и судачат о том, что в Белосветье проникло страшное зло... Он не понимал тогда толком, о чем речь, но знал, что миру нужны умелые волхвы, а значит — надо усердно работать и учиться, чтобы познать все важное, стать лучше, сильнее... и так перерастить всех. Стать оберинном¹ среди муравьев...

Все шло хорошо, но тут появилась, точнее, ворвалась в его жизнь Она. И он пропал. Он хотел только Ее, все остальные желания растворились в потоке внезапно нахлынувшей страсти...

Призраки прошлого завладевали разумом Огнегора все сильнее... а он уже и не сопротивлялся. Владеть собой ты можешь превосходно, но воспоминания — странная вещь. Как нагрянут — не отобьешься, какой бы могучей ни была твоя воля.

Как она выглядела? Ее лицо уже давно кануло в небытие, вместе с мириадами других лиц, но Огнегор вдруг словно воочию увидел юную красавицу с развевающимися на ветру темными волосами, с сияющими, отдающими зеленью лесного мха глазами, услы-

¹ Оберинны — мифические исполины, размерами выше гор. По преданиям, создавали ландшафты, двигали горы, меняли русла рек.

шал звон монист¹ на загорелой шее, ощутил запах спелой земляники. Она стояла на поляне в сосновом лесу и держала в смуглой ладошке яркие ягоды.

— Хочешь? — рука протянулась к нему, а он так и глазел на девушку в расшитом белой мережкой полотняном платье. Глазел, не смея сдвинуться с места, опасаясь спугнуть видение.

— Да бери же, я еще соберу, — она улыбнулась, и вместе с ней улыбнулись, полыхнули оранжевым светом стволы вековых сосен, алмазами засияли капельки росы на резных листьях, звонче защебетали птицы.

Проклиная себя за внезапно нахлынувшую робость, он только молча кивнул и подставил свою ладонь под рубиновые брызги.

— Вкусно? Ешь, ты такой бледный, малыш...

— Малыш?! — выдохнул он, отшатываясь.

За ребенка его приняла? Да он наверняка старше ее! Первый среди соучеников! Вот-вот станет настоящим волхвом! Скоро уже обряд посвящения! И вот, стоит тут перед ней, позабыв, что пришел собрать ранние соцветия кипрея и отыскать греющихся на южном склоне гадюк для опытов.

Она уже поняла свою ошибку, разглядела полыхнувший в желтоватых глазах злой огонек и смущенно улыбнулась:

— Не нравится, как я тебя назвала? Хорошее же прозвище, ласковое. «Малыш».

Он только сопел, не зная, что отвечать. Над ним и раньше посмеивались сверстники, бросали косые взгляды, но чтоб так, вслух насмеяться над его ростом? А она как ни в чем не бывало лишь пожала плечами и отвернулась, коротко рассмеявшись, словно его тут и не было.

Он с силой сжал в руке ягоды, сквозь пальцы брызнул сок, закапал на траву, будто кровь.

Огнегор открыл глаза и с шумом выдохнул. Бездумно подцепил кусочек паштета из соловьиных язычков, отправил в рот, почти не ощутив вкуса. Дела давно минувших дней, но — надо же! — не позабытые, до мурашек живые и яркие.

¹ Монисто — ожерелье из монет, бус, разноцветных камней, кораллов и т.п.

Позже он узнал, что зовут лесную незнакомку Светозара, что приехала она совсем недавно откуда-то с юга и будет учиться вместе с волхвами волшбе. А затем товарищи заметили, как невысокий соученик немеет в присутствии девушки, какими суетливыми становятся его движения, как он пожирает глазами округлости ее тела, едва прикрытые легким летним платьем. Заметили и не преминули использовать для своих дурацких шуток.

Молодость. Когда думаешь чем угодно, но не головой. Ну как он мог поверить, что такая красавица заинтересуется карликом, если рядом были другие, высокие, сильные, ловкие? Те самые, что скоро принялись подшучивать над его внешностью при каждом удобном случае. Ведь недаром в ночь, когда по древнему обычаю надо славить силу воды, они потащили его с собой купаться — возжелали поразвлечься. Он не хотел, упирался, ведь не любил воду, почти не чувствовал ее, а у Светозары был врожденный талант управлять водной стихией.

В венце из полевых трав, в легкой тонкой рубашке, она стояла на берегу и о чем-то шепталась-пересмеивалась с подружками, такими же стройными красавицами, но он видел только ее. Светозара казалась то ли берегиней, то ли самим воплощением озера, а то и вернувшейся с Той-Стороны богиней. Вот она вошла в воду по колено, по пояс, легко погрузилась в полыхающую закатным пламенем гладь, поплыла... Молодые волхвы уже срывали с себя одежды, чтобы с плеском прыгнуть с небольшого обрыва, стремясь догнать подруг. А он стоял, тщедушный, жалкий, понимая, что рядом с их мускулистыми загорелыми телами кажется полным ничтожеством. Ощипанный цыпленок и гордые лебеди. Она оглянулась, поманила к себе:

— Что же ты, Малыш? Неужто стесняешься? А ну, ребятки, помогите ему!

Кто-то уже сдирал с него рубашку, стягивал порты, а потом, хохоча, толкнул в прохладную мокрую жуть. Нет, он, конечно же, умел плавать, но вода хлынула в полуоткрытый рот, забила ноздри, уши... Кашляя и отплеываясь, оглушенный, он с трудом вынырнул на поверхность, бестолково, как щенок, заколотил ладонями, рванулся к берегу и на четвереньках выполз на песок. Нагой и жалкий, он поднялся на дрожащих ногах и услышал ее залиvistый смех.

*Не выдержав, он подхватил одежду и убежал...
... в тьму...*

Кровь прилила к лицу, вспыхнули уши, помутилось зрение, а по телу прокатилась липкая волна, сжав горячими пальцами горло. Давно забытое чувство острого стыда внезапно обездвижило, завладело телом, а внутри все забурлило от вскипающей ярости. Огнегор поспешно налил темного, почти черного вина, отпил несколько глотков. Рука с золоченым кубком дрогнула, жидкость выплеснулась на скатерть, расплозлась, словно пятна крови. Ее крови... Месть требует холодной головы и расчета. Это он сейчас понимает, а тогда...

Тогда он ощущал подобный стыд впервые. Бежал по лесу, рыдая и воя, будто дикий зверь. А потом, успокоившись, утер глаза и пошел обратно, зная, что должен сделать. Ждать пришлось недолго.

После прыжков через костер Светозаре вздумалось поискать волшебных трав. Только искать их надо в одиночестве. Вот и пошла девушка, никому ни слова не сказав, в чащу, подальше от ярких костров и веселого смеха.

Его силу недооценивали все, даже наставники. Подогреваемая ненавистью, она увеличилась стократ. Оглушить, обездвижить, лишить голоса, потащить в чащу — что могло быть проще для будущего великого волхва?

А забавлялся он со Светозарой долго. Получил все, чего желал, овладел ею целиком. А наигравшись, обернулся гигантской росомхой. Нет в лесах зверя коварнее и кровожаднее. И умнее. Они ему всегда нравились.

Растерзанное тело Светозары нашли следующим утром — на той самой земляничной поляне, среди враз поседевших сосен. Наставники-волхвы распознали магический след, а там вычислили и того, кто его оставил. Отпираться он и не думал. Держался гордо и твердо, заявив, что никому и никогда не позволит больше над собой издеваться! Он знает себе цену, и его никому не остановить! Сверстники больше не лыбились, ведь он преподавал им хороший урок! А старшие? Да что они? Долго и нудно совещались, выбирая наказание. Наконец решили изгнать, предать забвению даже его имя. Х-ха! Нашли чем напугать!

Губы Огнегора искривила презрительная ухмылка. Он должен благодарить волхвов за их решение. Могли бы и суровой наказание придумать, но Белосветье тогда тоже было молодым, Первые люди еще не знали толком, что такое жестокая кара. Изгнание! Вот уж точно бросили шуку в реку.

Кстати, где-то тут шука фаршированная расположилась, а под шуку надо охлажденного белого вина испить. Огнегор едва заметил вернувшегося Линялу, доложившего, что Ярозор получил свои буры. Хозяин Громовых Палат ничего не ответил — он слишком был занят вином и воспоминаниями.

Где те, кто его изгнал? Где те, с кем он начинал? Нет их, прожили отпущенные сотню-полторы лет и умерли в свой срок, косточки давно истлели. Конечно, Первые люди жили подольше нынешних, а все равно ничтожно мало. А он, последний из Первых людей, Темный волхв, великий колдун и хозяин Бутра-горы, десятую сотню разменял и пока еще ого-го! А все почему? Потому что его изгнали.

Странствия и мытарства привели его в Иномирье. Иномирье даровало встречу с Тьмой. Тьма одарила его новой силой.

Став великим чародеем, начинаешь ценить себя и — изменяться. Много понимаешь. Позволяешь время от времени радоваться минутам отдыха и наслаждаться жизнью. Вкусная еда — для тела, а красotka рядом — для утех... да для дела.

— Пусть зелье принесут, — велел колдун, не объясняя, о чем он. Линяло и так знал, о каком зелье идет речь.

Пришло время новую девицу найти, хорошо бы внешности подходящей, и чтобы было о чем поговорить. С тех пор, как Огнегор отказался от гарема, приходилось выискивать невест при помощи шутиков. Не великие знатоки бабьих прелестей, зато безотказны и вкус хозяйский знают. А для плодотворного общения с новой красоткой следует омолодиться. Дивное зелье сейчас принесут, жаль, редкое, запасы заканчиваются... Да, решено, пора заполучить новую девицу, с которой можно развлечься, забыв на время о случившихся неприятностях... а надоест — как всегда, делу послужит.

Огнегор потер руки в предвкушении, отхлебнул еще вина, потянулся к засахаренным заморским фруктам.

— Вайше зейлье, пойвелитель, — писклявый голосок заставил Огнегора отвлечься от трапезы и посмотреть вниз.

Возле кресла стоял шутик, покорно склонивший остроконечную рогатую голову. Несмотря на то, что создал он их немало, всех шутиков Огнегор знал поименно. На запястье служки колдун заметил уже почти заживший шрам, который и позволил опознать Пырю, когда-то приставленного к покойному Вещору. Приняв из вытянутых рук флакон с омолаживающим снадобьем, хозяин Бугры-горы поинтересовался:

— Почему ты здесь, Пыря, да еще зелья таскаешь? Твое дело — кузутиками управлять.

Шутик тоскливо поведал, что его сначала, как и было велено, высекли, а потом по приказу Линялы определили к кухарику Пузанчику выполнять всю черную работу. Кухарик строгий, за каждую провинность бьет половником по голове...

— Половником? — Огнегор нахмурился.

— Да.

— Вот мерзавец. Ничего, разберемся...

Воодушевленный словами колдуна, Пыря продолжил рассказ о своих бедах, закончив тем, что назначили его посыльным-носильщиком. Огнегор слушал вполуха, мрачно думая, что кухарику нужно устроить хорошую взбучку. Половник был зачарованным, дорогим, а Пузан посмел использовать его как дубинку? Так можно и жертве навредить — на время ума лишить, и главное — вещь ценную попортить.

— Соиздан служить, — закончил шутик несчастным голосом.

Колдун помнил, что Пыря не самый дурной из созданных им волшебных помощников, всего лишь немного младше Линялы, а наказание за свою провинность он уже отбыл. Польза от него должна быть посуущественнее, чем разноска или черная работа у кухарика. Видать, Линяло решил подольше поиздеваться над возможным соперником. Вот же шельмец! Когда надо, все понимает с полуслова, а когда надо ему — понимает как хочет...

Огнегор шевельнул пальцами, и на запястье Пыри возник витой золотой браслет личного помощника. Шутик вытарасил

глаза и открыл от удивления рот, обнажив ряды мелких зубов, а рядом тихо зашипел Линяло.

— Значит, так, — промолвил Огнегор. — Пойди переоденься, а то как нищий ходишь, позоришь меня. Потом собирайся в дорогу. Даю тебе задание: раздобыть мне новую невесту, сам знаешь какую. Ключники с одежкой и прочими вещами помогут, иди в любые кладовые... кроме восточной. Понял? В любые, кроме восточной!

Нечего шутику по тайной кладовой шастать, там слишком ценные вещи лежат.

Пыря, вне себя от счастья, погладил новенький браслет, торопливо поклонился и, не забыв бросить торжествующий взгляд на Линялу, помчался выполнять поручение. Стоило ему убежать, Огнегор немедленно повернулся к старшему надзорнику, окатив его холодным взглядом:

— Ты что творишь, морда неумытая? Сказано ведь было: сто ударов и на нижние ярусы, управлять кузутиками! А ты его на кухню, слугой? Мне только что пришлось самолично задание кузутуку давать, еще подумал: давненько такого не было, с чего бы это? А выходит, шутика не хватило! Которого ты на кухню отправил! Еще раз посмеешь своевольничать — развоплощу!

Линяло был с пониманием, оправдываться не стал, снял шапку и поджал уши, признавая свою вину.

— Прости, байтюшка Ойгнегор! Больше не пойвторится.

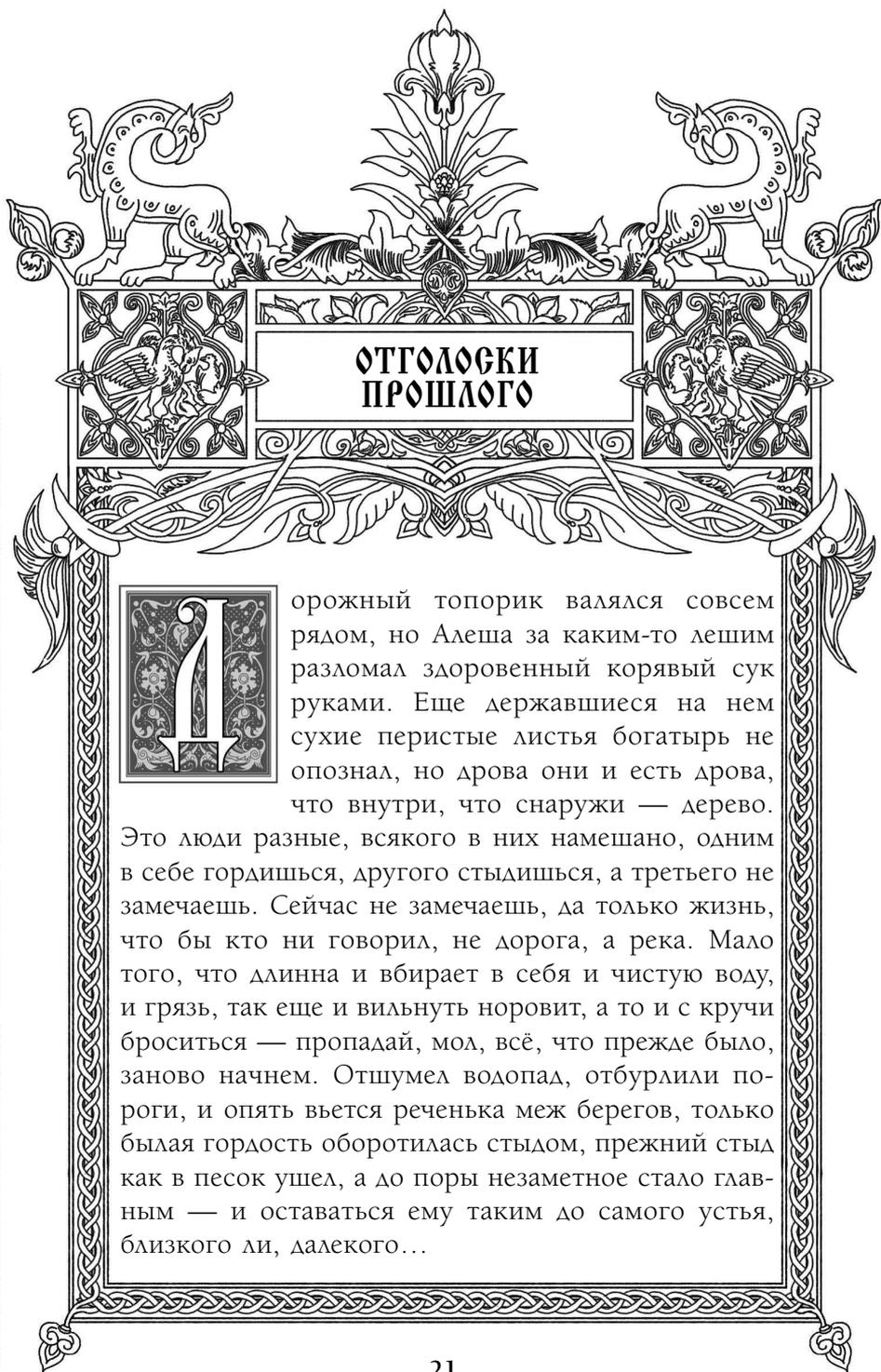
Огнегор встал из-за стола, нависнув над сжавшимся службой.

— Первым делом прикажи Пузану никого больше половником не бить! — велел хозяин Бутра-горы. — Потом приготовишь палаты для будущей невесты, порядок там наведешь. И дверь проверь, чтоб замочные заклатья работали как надо.

— Сойздан служить, — низко поклонился шутик.

ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО

Дорожный топорик валялся совсем рядом, но Алеша за каким-то лешим разломал здоровенный корявый сук руками. Еще державшиеся на нем сухие перистые листья богатырь не опознал, но дрова они и есть дрова, что внутри, что снаружи — дерево.

Это люди разные, всякого в них намешано, одним в себе гордишься, другого стыдишься, а третьего не замечаешь. Сейчас не замечаешь, да только жизнь, что бы кто ни говорил, не дорога, а река. Мало того, что длинна и вбирает в себя и чистую воду, и грязь, так еще и вильнуть норовит, а то и с кручи броситься — пропадай, мол, всё, что прежде было, заново начнем. Отшумел водопад, отбурлили пороги, и опять вьется реченька меж берегов, только бывая гордость оборотилась стыдом, прежний стыд как в песок ушел, а до поры незаметное стало главным — и оставаться ему таким до самого устья, близкого ли, далекого...

— Алеша, — негромкий оклик разогнал странные мысли, как брошенный в пруд камень разгоняет орущих лягушек, — ты, часом, не уснул? А то как бы ужин наш не сгорел.

— Не сгорит, — заверил напарника богатырь, которого на умствования толкнула простенькая мысль о том, что кашеварить и петь у него всегда выходило знатно, но хотелось-то другого. Воинской славы да восхищенных женских взглядов хотелось. Но то в прежней, сгинувшей жизни. А сейчас?.. — Прости, задумался малость.

— Бывает, — буркнул разбиравший вытряхнутую из вьюка мелочь Стоян. — А мне вот живот думать мешает — подвело, мочи нет! Долго еще?

Меченый так всю дорогу и прохмурился, видать, поедом себя ел из-за подавшейся в яги Марфы. Помочь ему Алеша мог не больше, чем сам Стоян бывшей подруге, оставалось не замечать.

— Не бойсь, скоро уже, — обнадежил напарника Алеша, помешав поспевающий кулеш¹. — Пальчики оближешь.

Снимать стряпню с огня было рано, и богатырь сосредоточенно склонился над стареньким котелком, в котором тушился отъевшийся на летних харчах заяц с салом да пшеном. Спешившим к Тригорской заставе китежанам было не до охоты, и слуду выскочившего прямо под ноги Буланко косога добыл муркан. Сиганул в траву — и тут же раздался истошный отчаянный плач. Зайцы орут почти как младенцы, с того и пошла гулять сказка о приносящих детишек аистах. Нет, малышню белые с черными отметинами птицы и впрямь таскают, только долголапую да ушастую и не людям в радость, а своим птенцам на обед.

Алеша обернулся на розовато-лиловый окоем, яркий, словно кипрей-трава, — внизу-то она давно пухом изошла, а в небесных лугах цветет, не уймется. Эх, зорьки осенние, были бы крылья, а дел бы не было, к вам бы и улетел, как тот аист! Только и крыльев нету, и кипрей в здешних жарких и сухих для него краях не растет, да и дел насыпало по горло...

¹ Кулеш — жидкая каша, сытная похлебка с разными ингредиентами, главный из которых — пшено.

— Завтра к полудню доберемся... — отрывисто бросил Стоян, пересаживаясь поближе к костру. — Могли б и к утру, если б поднажали, но лучше сперва дела обсудить. На заставе не до того будет.

— А есть чего обсуждать-то? — Богатырь бросил в котелок семена горьковатой степной травки и обернулся к напарнику: — Что с воеводой тамошним ты накоротке, знаю. Что я ратников тамошних растормошить должен, помню. Или это не все?

— Все, да не все, — Стоян задумчиво погладил развалившегося у его ноги Муркашу.

На привалах зверюга от Меченого не отходила, но вот коня его терпеть не могла, разъезжала с Алешей и Буланко. Китежанин почти верил, что полупес-полукот с богатырским скакуном потихоньку перемывают кости и хозяевам, и ненавистному обоим Хлопуше.

— Никак в толк не возьму, — признался богатырь, — с чего Муркаша на твоего скакуна взъелся, они же оба Марфины.

— Кто ж его знает? — поморщился Стоян. — В Китеже тоже не все всех любят, хоть и случается вместе идти. Кто на меня у Асилакова топора глазом косил, не скажешь?

— Было дело, — и не подумал отнекиваться богатырь, и тут поспел ужин. Есть такие зануды, что жуют молча, но оба Охотника — и молодой, и опытный — подавиться не боялись. — Да и ты хорош! Ничего толком не сказал, куда-то поволок...

— Ну да, ну да... Теперь-то волочь вдвоем будем, — посулил, берясь за ложку, Стоян. — Правда, есть надежда, что подмогу толковую в Тригорье съедем. Мы с Китом, заставным воеводой, посидим, выпьем, старину вспомним, юнцов обругаем...

— Китом?

— Вообще-то он Тит, сын Титов, но прилипло к нему прозвище, не отодрать. Сам знаешь, как бывает.

— Знаю, — подавил улыбку Алеша, глядя на Меченого.

— Кит мне друг, — в подробности напарник вдаваться не стал, а они, похоже, имелись, — так что на пятом кубке на каких ратников кивну, тех он мне и отдаст... а вот на кого кивать, тебе решать.

— Ты про поединки шутейные? — на всякий случай уточнил Алеша, в свою очередь приступая к трапезе.

— Поединки, это само собой. Ты ведь прежде, чем в Китеж податься, богатырствовал?

— Богатырил, — невесело уточнил Алеша. Про свою жизнь до Китежа он вспоминать не любил, потому ответил поначалу скупое, но потом вдруг вырвалось: — Толком не удалось. Путное дело нам лишь раз перепало, а так все больше гуляли да с бабами путались. Уж больно спокойно на Руси было.

— Зато теперь тревожся, не хочу, — напарник сунул кусок зайчатины под нос добытчику-муркану, но тот чихнул и отшатнулся, не любил острое. — И дело наше важное, не всякого с собой позовешь. Сноровка сноровкой, ее проверить просто, но главное, чтоб нутро без гнилья.

— Ясное дело, только человек не орех, и за день не раскусишь.

— Мы с тобой как-то управились.

— Так худы же, — хмыкнул Алеша, вовсю уплетая пряную зайчатину с пшеном. — В бою сразу все ясно стало.

— Так сразу и всё? — проронил Стоян. — То-то к Кошею перебегали те, с кем до Колобухова поля не один пуд соли съели, не в одной сече спина к спине рубились... Золото да власть к себе ой как тянут.

— В этом твоём Лукоморье золото под ногами валяется?

— В каком еще «моем»? — Меченый блеснул глазами. — Наше оно, брат. Общее. Золота в Лукоморье я не видал, но за дорожку туда Огнегор его не пожалует. Может и чем другим заплатить — хоть зельем приворотным, хоть царским венцом. Охочие найдутся, особенно так далеко от Великограда.

— О чем это ты?

Стоян глянул задумчиво, будто решая, отвечать или нет.

— Сложно объяснить, — наконец медленно произнес он. — Я по миру-то помотался, белый свет повидал, и подметил штуку одну... странную... Впрочем, ладно, досужее это все. А и впрямь хорош кулеш, знатный ты кашевар!

— Снова недомолвки, — возмутился Алеша. — Нет уж, давай выкладывай!

— Ох, послал Белобог зануду, — пожаловался муркану Стоян. — Я его расхваливаю, а он все о делах.

— Так о них говорить и собирались или забыл уже?

— Не забыл. Просто замечаю я, что чем дальше от Великограда, чем ближе к славийским рубежам, тем чаще народец встречается лихой да гнилой, — пояснил Стоян, но вдруг смутился: — А, ерунда! В дороге чего только не покажется, вот и это туда же. Зацепилась мысль, как репейник, не отцепится никак. Не бери в голову.

Смушение и отговорки не удивляли: когда на душе скверно, какой только чуши, хорохорясь, не брякнешь, а Меченого встреча с Марфой и в самом деле из колеи выбила. Другое дело, что слова Стояна чушью отнюдь не казались. Что-то в них было...

— Понял. — Спорить или шутить Алеше расхотелось и отнюдь не из-за возможной ссоры. — Что ж, ратников тригорских как могу проверю, только я не ясновидец и не Дознаватель судебный, нутро на просвет не разгляжу. Ты мне вот что скажи — в крепости, если она с толком строена, и ворота не одни, и тайный ход есть, а в Лукоморье-то с этим как?

— Вход-выход там один, и тот скрыт волшебной завесой. Старой, ее еще волхвы ставили. Решили отделить яроместо от мира людей...

— Мы, люди, такие, как начнем туда-сюда шастать, так и не уйдемся, — согласился со сгинувшими ныне волхвами Алеша. — С моря туда заходят?

— Нет, с севера, от Тригорской пуши, через горную гряду.

— Если оно Лукоморье, там должно быть море. Проход по суше мы, допустим, устережем, а ну как Огнегор кораблями разживется?

— Завеса и над морем есть. Не пройдешь.

— Постой... мы ведь войти можем. И Огнегор может. Будь иначе, без ратников бы обошлись, одной Завесы хватило бы.

— Дело говоришь, — спокойно согласился Стоян. — Сам я не видел, но сестра, что сейчас за Лукоморьем присматривает, говорит, с морской стороны по ту сторону Завесы Гиблые острова лежат, и имечко свое они заслужили — сплошь утесы, камни

и ползучие мели. Море там бушует и зимой, и летом, да еще и от акул-рыб не продохнуть. Всяк мореход те воды стороной обходит, даже новеградцы, уж на что отчаянные, и те к Гиблым не суются. Про нечисть и говорить не приходится.

— Пожалуй, — что упыри с мертвяками, что худы с бедаками и от родниковой-то воды шарахаются, а соленая для них — верная смерть. — Значит, будут заходить с суши. Эх, нам бы не Огнегорова нападения ждать, а самим рать собрать да в Соколиные горы наведаться, порядок навести...

— И об этом думал, — кивнул Стоян, снова поморщившись. — Доберемся до заставы — решим, что делать. Колдун в горах засел крепко, так что обмозговать все как следует надо, сплеча рубить не след. Что точно ясно: как ни крути, а защищать Лукоморье придется.

Считать будущих врагов — дело не из приятных, но Охотники, выскребая котелок, старательно припомнили всю сволочь, которой мог разжиться свалившийся им на голову Огнегор. Картина не радовала, но и безнадежной не казалась, тут главное с заслоном успеть и продержаться до прихода подмоги, пришлют же ее в конце концов! Жаль, нельзя угнать у яг избенку-другую и натравить на нечистую орду. И то, что Иванушку с его молотом и сестрицей сюда не затащить, — тоже жаль, хотя с этими могло и выйти, было бы время навестить...

С чего человека порой неодолимо тянет глянуть в небо, неведомо, но Алеша снова не удержался, поднял глаза. Закатный кипрей уже успел отцвести, зато из-за ближней рощицы поднималась здоровенная рыжая луна, вокруг которой роились крупные осенние звезды... и луну эту внезапно перечеркнула уродливая крылатая тень. Быстрая, но лук китежанин схватить успел. Рискнул стрелой, спустил тетиву, почти не целясь, — порой такие выстрелы бывают удачными. Этот был.

Рухнувшая неподалеку и с ходу обнаруженная мурканом добыча выглядела мерзко даже в полутьме. Размером с откормленного гусака тварь была сразу и змеей, и летучей мышью, и чем-то вовсе несусветным с длинным, вытянутым черепом, но тупой приплюснутой мордой. Из раззявленной пасти вываливался длин-

ный язык, вместо зубов были какие-то пластины, и вдобавок от нее несло тухлятиной. Трогать эдакую красоту не тянуло совершенно.

— Нашли? — пропыхтел заметно отставший от легконогого напарника Меченый. — Ну и кого ты подбил?

— Мурина, — буркнул удачливый стрелок, выдергивая из тушки стрелу. — Если не путаю.

Сам он крылатых падальщиков прежде не видел, но по книжному описанию выходило один в один, вплоть до сумеречных полетов и длиннющего языка. Ученые люди всю спорили, причислять ли муринов к бедакам или они для этого слишком безмозглы, но главным было другое: твари редко бывали сами по себе, а дикие в здешних местах не водились, все больше в Великой Степи.

Несмотря на то, что языки у муринов были ядовиты, а косяные зубы могли раздробить в пыль любые кости, некоторые умудрялись одомашнивать даже такой страх. Самые дошлые из городских душегубов, заматавая следы, скармливали тварям трупы, а чародеи-злонравы приспособили их сразу вместо и голубей, и собак. Мурины передавали послания и выслеживали тех, на кого указывали хозяева.

— Этого еще не хватало, — запыхавшийся напарник нагнулся над добычей. — Мурын и есть.

— Нашел муркан мурина в траве-мураве и давай мурчать, — вырвалось у Алеши.

— Крупный, обычно они поменьше... — Стоян был слишком занят изучением добычи, чтоб оценить родившуюся поговорку. — А это еще что такое? На задней лапе... Пстой, огонь высеку.

На свету тварь была еще гаже, зато удалось разглядеть странный след, будто от тугой широкой ленты, обвивавшей ногу мурина сверху и почти донизу.

— Точно, не дикий он, — сделал очевидный вывод Стоян, — но тогда чей?

— Разбойники?

— Вряд ли. Лиходеи, когда муринов заводят, первым делом ядовитый язык им обрезают, чтоб случайно не отравил. Нет, тут

скорее шайка нечистых. Вроде той, на которую мы в Балуйкином лесу напоролась. У них частенько мурын есть, а если худы в разведке, то и несколько.

— Разведчик не показался бы, а этот через луну метнулся, я и заметил.

— Мог круги нарезать — если тракт караулить, самое милое дело. Теперь нам втрое стеречься придется, помогать Огнегору искать дорогу я не собираюсь.

«Да что ж за гадство такое!» — задним числом разозлился Алеша. И впрямь ведь, сидели себе, ужинали, знать не знали, что над ними летают! А главное — как долго летают? Наземных лазутчиков если б не Буланко почуял, то муркан-то точно... Где он, кстати? Ведь тут же был...

Котище словно нарочно ждал, когда о нем вспомнят. Огромная гибкая тень вытекла из темноты и выплонула у ног Меченого нечто, сперва показавшееся толстой дохлой змеей.

— Мать честная, — напарник склонился над муркановой добычей, — где ты его нашел?!

Добытчик в ответ чихнул и с чувством выполненного долга принялся умываться, дескать, мое дело ловить, а дальше, как хотите. Глядя на очередное подношение, оставалось лишь чесать в затылке: змея при ближайшем рассмотрении оказалась длинным лохматым существом с умильной шенячьей мордашкой и большущими вислыми ушами. Головенка у него была размером с детский кулачок, а тело длиной в локоть с лишним. Лап чудо не имело вовсе, только хвост, судя по всему, бывший продолжением туловища. Вот чего имелось в избытке, это светлой шерсти.

— Это кто? — с легкой оторопью спросил богатырь, разглядывая непонятное создание. — Мне про такое не говорили.

— Не только тебе, — Стоян сунул Алеше горящий сук. — Посвети-ка.

— Может, рукавицы наденешь? — явил запоздалую осторожность богатырь, но Стоян уже поднял находку за шкурку и теперь медленно вел второй рукой по светлому пузу, раздвигая пальцами мех.

— Вот не было печали, — бормотал он. — И откуда только... Тельце упругое, мускулистое, а брюшко нежное, на таком не поползаешь... Худова сила! Алеша, я его держу, а ты щупай. Да не посередке, а ближе к морде и хвосту.

Сперва Алеша не нащупал ничего, только убедился, что шерстка на животе непонятной находки нежнее и тоньше, чем на спине, а потом наткнулся на что-то вроде выпуклого шрама... шрамов. Четырех. Лапки у непонятной собачонки, похоже, имелись, только их кто-то отрезал под основание, даже культей не оставил.

— Смотри! — напарник бестрепетно ухватил мурина и примерил калечную зверушку к чешуйчатой лапе. — Они парой летали, причём долго, иначе б такого следа не осталось. Мурина ты сбил, а это... это просто расшиблось.

— Знамо дело. А лапы ему отрубили, чтоб он от мурина куда не делся? Только на кой ляд... Запах чуешь, кстати?

От тварюшки исходил очень странный, резковатый запах.

— Пока падало — обгадилось? — предположил Стоян, пожав плечами.

— И что мы с этим вонючим... ужиком делать будем?

— С заставы так и так гонца гнать, заодно и «подарочек» братьям отвезет. Мешок заговоренный у меня с собой, не заволяется. Авось наш ужик в китежских архивах отыщется, а нет, так сами опишут.

Алеша хмуρο кивнул. Безногая тварюшка ему очень не нравилась, вернее, не нравилось, что какая-то сволочь творит нечто непонятное и наверняка зловредное, а как к ней подступить, неведомо.

Спать в эту ночь так и не легли, проговорили до рассвета, но так ничего толкового не надумали. Откуда в тихом Тригорье взялись мурин с калечным спутником — неведомо, только главного дела это не отменяло.

— Худ с этим мурином и волосатой змейкой, — Стоян поднялся, словно итог подвел. — Глупо мышей в погребке ловить, когда волк у овчарни. Делаем главное — все, как договорились. Кит, ратники, подмога. Об остальном будем думать потом. К Лу-

коморью Тригорская застава ближе других, но ближе не значит близко, пока еще доберешься... а вход сейчас уязвим. Было бы время, можно было бы придумать какую-никакую проверку на гнильцу, но отряд нужно собрать в несколько дней, Огнегор ждать не станет.

* * *

Когда кони идут пусть и легким, но галопом, особо не поболтаешь, да и Буланко от одного вида Хлопуши ярился, так что ехали друг за другом и первыми — Алеша с мурканом. Если не оборачиваться, впору решить, что больше и нет никого, да закручиниться, только у богатыря на душе было радостно.

«Реку чую, — хорошо отдохнувший Буланко тоже был в духе. — Дорога ладная. Поскачем?»

— А поскачем! Ну, котище, держись!

Вообще-то делать этого не стоило. Если хозяева муринов и впрямь следят за дорогой, разделяться опасно, но уж больно хотелось надышаться ветром, да и места пошли подходящие. Так бы и запел, хотя, когда конь идет наметом, петь не выйдет, вот кричать от счастья — это запросто, но тут богатырь все же сдержался.

Сперва Буланыш несся трактом, но у околицы большой и по всему богатой деревни с полного одобрения Алеши ушел в поля. Они перемахнули пару неглубоких овражков, обогнули веселую рыжую рощицу и вылетели на широкий приречный луг, дальний край которого упирался в высокий, оседланный крепостицей холм. Значит, все в порядке, не заплутали, выехали напрямиком к Тригорской заставе, пора бы прекратить тешить свою и конскую то ли удадь, то ли дурь.

Скакуна богатырь осадил у одинокой и потому разлапистой сосны с длинными синеватыми иглами и тут же заработал внушительный тычок под локоть. Муркана скачка отнюдь не радовала, но до поры котище благоразумно терпел.

— Не сердчай, — хмыкнул богатырь, привычно трепанув могучий, впору волку, загривок. — Уж больно захотелось...

Иных доводов у китежанина не нашлось, но зверюга и сама знала толк в неодолимых желаниях. Будь иначе, сидела бы сейчас у Марфы в тепле и уюте, а не скиталась с Охотниками. Муркан хрипло тявкнул и завозился, пристраиваясь поудобней, благо натешившийся Буланко стоял смиренно, задумчиво поглядывая то на не везде увядшую траву, то на заставу, где, вне всякого сомнения, имелась конюшня, а в ней овес. Самого Алешу больше занимали будущие соратники, но заявляться в крепостицу поврозь со Стояном богатырь не собирался. Поправив сбившийся на сторону во время скачки распашень, китежанин потихоньку двинулся вдоль берега к холму, заодно разглядывая окрестности и вспоминая все, что когда-либо слышал об этих местах.

По ту сторону обмелевшей за лето Лихоборки за неширокой луговой полосой синел знаменитый Бакаутовый лес, мечта всех корабельщиков Славии. Название лес получил из-за драгоценных деревьев, что росли в самой его глубине, в небольшой и древней Бакаутовой пушке. Иные иноземные гости за редкую древесину души бы не пожалели, но против Княжьей воли на Руси не попрешь: вековые тригорские бакауты шли лишь на русские корабли, и следили за этим строго. Зато вокруг пушки разрослись деревья попроще, менее ценные, но тоже нужные — корабельные сосны. И вымахали они на славу, весь северный берег Лихоборки ими зарос, от самого Тригорья до Кметь-реки.

Ничего дурного про здешние рощи Алеша припомнить не мог, но на северо-западе Бакаутовый лес переходил в Тригорскую пушку с ее Рудными топями, про которые говорили и даже писали всякое. Впрочем, разбойникам и тем более худам делать там было нечего: местные нечистики заживо бы сожрали, а значит, хозяев мурина следовало искать на этом берегу Лихоборки. Разбойники могли грабить лесоторговцев, худы — искать дорогу в пресловутое Лукоморье, но и тех и других должны были гонять дружинники с заставы, если, конечно, не разленились.

Это в Сорочинских горах живут от набега до набега и половину коней держат оседланными даже ночью. Тригорье путных врагов со времен войны за Вольный полуостров не видело, хотя воевода, по словам Стояна, навоеваться успел. Наделенный почти

богатырской силушкой весельчак при отце нынешнего князя дрался со многими супостатами и покрыл себя заслуженной славой, только Владимир от своих воевод требовал большего. Чтоб не просто впереди всех в сечу кидались, но и головой работали, а с этим делом у Тита-Кита было не в пример хуже.

Обижать отцовского любимца князь не хотел, вот и измыслил для него дело по уму, определив на дальнюю заставу. Только Владимир не был бы Владимиром, если б ограничился одним лишь добром, без пользы. Застава охраняла юго-восток Тригорья, включая ценный Бакаутовый лес и земли возле Безбурного залива. Побережье Синего моря русичи стерегли пуше глаза, вот и поставили княжьим указом заставу, хотя в портовых городах уже имелись свои большие дружины. Заставным надо было и Тригорье с Кметь-рекою сторожить, и важные грузы сопровождать, и лихих людей по лесам искать. Разбойнички, после захвата Русью Вольного полуострова, прыснули из вычищенного гнезда в разные стороны. Кого-то успели отловить, а кто-то, особо пронырливый, сумел уйти — схоронился, зализал раны, сколотил новые шайки да стал тревожить южное побережье. Сперва головной боли злодеи прибавляли воинам-русичам изрядно, но сейчас поутихли. Видать, дружинники свое дело знали, извели-таки татей да ушкуйников.

А как успокоилась жизнь в здешних краях, стали в Тригорье ратников посылать: юнцов — на обучение, хворых — на лечение, охочих до драк и женских ласк — чтоб малость охолонули. Так и жили. Кто-то появлялся, кто-то, отслужив урочный срок, уходил, один Кит Китыч оставался, как та елка, зимой и летом одним цветом. Мало того, открылось в воеводе то, что прежде он сам про себя не ведал.

Большие города дружину всегда прокормят; ты знай мечом работай, а что ложкой хлебать — найдется. Будущий тригорский воевода хлебал, не жаловался, а тут самому крутиться пришлось. Кормовые из казны, само собой, шли исправно, только от щей с кашей до звонкой монеты путь не близок, особенно в захолустье. По словам Стояна, Китыч справился и даже преуспел. А что? Лес под боком, спрос высок, новеградцы — те завсегда за корабельную сосну готовы платить щедро, а рубить ее Великим

Князем не запрещено. Что не запрещено — то разрешено, вот и завел Кит с купцами и лесорубами дела, себе да подопечным на радость.

Хозяйство при заставе, само собой, и прежде имелось, но дохлое, зато теперь хоть в три горла лопай, всего не съесть, а где излишки, там и гости торговые, и люд мастеровой, и новые ратники. Тригорье богатело, обрастало деревнями, еще с десятков лет пройдет, глядишь, и город нарисуетя; если, вестимо, никто по-крупному не напакостит.

— Буланьш, — окликнул приятеля китежанин, — не чуешь, Стоян близко?

Конь повернул голову, ловя черными ноздрями ветер, но ответить не успел, вроде бы полусонный муркан мягко свалился в траву и припустил к тракту. Значит, близко.

— Давай наперерез.

«Жалко. Коротко. Еще бежать хочу. Скоро распутица, а потом — зима. Зимой снег глубок, наст, ноги режет».

— Набегаешься еще.

Напарника перехватили у роши на повороте. Спрашивать, с чего Алеше приспичило устроить скачки, Меченый не стал, хотя своевољством молодого балбеса был определенно недоволен.

— Поедем через лесные ворота, — объявил он, косясь на чего-то вынюхивающего в бурьяне муркана. — Так ближе.

Мост через приличных размеров ров был спущен, а сами ворота распахнуты, но не гостеприимно, а по-рабочему. Из крепости доносился стук топоров и лязг цепей, похоже, подновляли подъемные механизмы, а въезд во вратную башню караулили дюжие молодцы в шлемах и синих с красной оторочкой плащах поверх легких кольчуг.

— У твоего Кита не забалуешь, — заметил Алеша, по былой богатырской привычке разглядывая заставу. — На них глядя, и не скажешь, что места тихие.

— Раньше здесь попроще было, — свинул брови напарник. — Может, случилось что... Мы худов с мурином к себя да Лукоморью примеряли, а надо бы ко всей Руси. «Крыло» откинь, пусть видят, кто едет.

Алеша кивнул и последовал примеру напарника: отстегнул и откинул в сторону левое «крыло» плаща, обнажая намертво приколотый к распашню значок китежского Охотника.

Мост перешли спокойно, но у ворот пришлось остановиться и даже спешиться. Долговязый безбородый ратник, явно видевший Стояна впервые, заступил дорогу и сурово осведомился, кто такие. Второй, пониже и постарше, Меченого признал и кивнул, но вмешиваться не стал.

— Мы китежанские Охотники, — равнодушной невозмутимостью напарник мог потягаться со своим конем. — С важным делом к тригорскому воеводе.

— Чем докажете, что вы не подсылы? — насупился долговязый, которого Алеша при желании мог поучить уму-разуму не меньше, чем пятью способами. — Путевые грамоты давайте.

— У Охотников, воин, грамот нет, — все так же спокойно, будто дитю малому, объяснил Стоян. — Нас по значкам узнают.

Признавший Меченого воин для порядка бросил взгляд на рогатую лунницу и кивнул, но молодой упрямо блел.

— Не годится, — отрезал он. — Мало ли кто что нацепит. Грамоту давайте, а то ишь разъездились! Воеводой строго-на-строго велено на заставу всяких не пускать.

«Дурной, — с утра мечтавший о добром овсе Буланьш нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — *Толкнуть?*»

Будь на то его воля, богатырь бы сейчас либо подурачился, либо озлился, но скорее все же подурачился. Стоян связываться не стал, просто произнес короткое заклятье, и его знак полыхнул, будто поймав полуденное солнце. Меченому было виднее, и богатырь последовал его примеру. Недоверчивый служака выпучил и так круглые глаза, надо думать, выискивал новую придирку, но из бурьяна вылетел облепленный репьями Муркаша, и безбородый слегка онемел, а тут и десятник подоспел.

— Здравы будьте, китежане, — поприветствовал он и распорядился: — Проводи Охотников, Свирыта, и устрой как следует.

Долговязый Свирыта кивнул и, опасливо косясь на задравшего хвост трубой муркана, посторонился, давая гостям дорогу. Ду-

ралею повезло, что у моста было сухо и чисто: Буланьш обожал влетать в лужи возле тех, кто ему не нравился.

— Спокойно, — на всякий случай велел озорнику Алеша, разглядывая солидные, в пору хорошей крепости, двустворчатые ворота, усиленные недавно подновленными защитными рунами.

Строители озаботились нанести увеличивающие крепость стен руны и на каждое бревно идущего поверх мощного вала частокола. Одна беда, первый серьезный колдун такую защиту смахнет не глядя. На Кедровой заставе у Сорочинских гор смахнул...

— В гостевые палаты пойдете, — словно нехотя объявил шагавший вровень с Хлопушей Свирыта. — Воеводы нету сейчас, в дозоре, местность осматривает, завтра к вечеру будет.

— Некогда нам ждать, — нахмурился Стоян. — Куда Тит Титыч наладился? Может, догоним?

— Так вы к нему, что ли? А говорили, к воеводе...

Охотники переглянулись.

— К воеводе, — не стал вступать в объяснения Меченый, — но Тит Титыч нам тоже нужен. Где он?

— Старый в гостевых палатах сидит, где ж ему еще быть? Вон они, на площади.

— Да знаю я, живал там не раз, — напарник наверняка был ошарашен, но догадаться об этом по его виду было невозможно. — Спасибо тебе, дальше сами доберемся.

— Велено до самого до места довести, — то ли Свирыта был чересчур исполнительным, то ли с чего-то вдруг решил Охотников к старому воеводе не пускать. — Это у вас кто? Вроде и собака, а на кота смахивает.

— Это муркан, — коротко объяснил Меченый, — он бедаков ловит. Тит Титыч по здоровью ли?

Оказалось, что еще как! Прежний воевода, видать, у окошка стоял и, заметив старого знакомого, вывалился на крыльцо, где и воздвигся, поджидая гостей. Не прозвать такого Тита Китом было попросту невозможно, так что сразу стало ясно, отчего прозвище прикипело к осанистому здоровяку намертво.

— Нечего даром время терять, — Стоян придержал коня и оборотился к спутнику, исхитрившись незаметно подмиг-

нуть: — Я на заставе делами займусь, а ты погуляй по округе, следы поищи, пока дождь не пошел.

— Лады, *старшой*, — богатырь столь же ловко подмигнул в ответ, — только коня накормлю. Авось к ночи вернусь с добычей.

— Ну да, ну да. Хлопушу на конюшню сведи, все равно туда идешь.

— Сведу, — Алеша без разговоров перехватил повод.

Все верно, говорить с Китом о здешних делах Стояну было сподручней без напарника. Привыкший осматриваться в новых местах самостоятельно, Алеша тоже предпочел бы обойтись без провожатых, однако сменивший гнев на милость Свирята возвращаться к воротам не торопился. К конюшне нового знакомого он повел в обход, заодно и крепость показал, очень приличную. Менять здешнего воеводу на первый взгляд было не за что, однако сменили, и лупоглазый стражник не сомневался, что делом.

— Они тут, — разливался соловьем Свирята, как оказалось, приехавший с новым воеводой из самого Великограда, — как неподоенные ходили, поверишь ли, вестников у дома заставного главы, и тех не стояло, зато по окрестным праздникам чуть не всей заставой таскались. То к лесорубам за реку, то всей гурьбой на охоту, то на гулянку в ближние деревни. Совсем от рук отбились. Ничего, теперь им спуску не будет, отлодырничали! Конных — в поиск, да не как прежде втроем до опушки и назад, а по десятку и с ночевой. Пеших — до обеда на борбище¹, а после — на стенах да во рву порядок наводить.

— Так у вас порядок вроде. Или так только сейчас стало?

— Какой это к змеям порядок! За неделю много не сделать, вот к весне увидишь, что будет. Ты сказку про угодившего в Чернояр богатыря слышал?

— Про то, что ли, как он тварей тамошних в подчинение заполучил и так их загонял, что болезные ему дыру на Русь прогрызли, только бы убрался?

¹ Борбище — ристалище для потешных боев, арена.

— Ага, — кивнул раздосадованный осведомленностью гостя стражник. — Вот и нашему воеводе сам худ не брат, не забалуешь! А тебе кого искать велено?

— Да как всегда: то, не знаю что, — в карман за словом Алеша отродясь не лазил, да и лукавить ему было не впервой. — Нечисть давеча подбили летучую, теперь гнездо ее надо найти, а то, как расплодятся, телят таскать примутся, а то и детишек. Воевода ваш в какую сторону поехал?

— А тебе зачем?

— Затем, что мне тогда в другую — быстрее округу обшарить выйдет. Если, конечно, твой воевода летуна поганого первым не заметит. Тогда поеду к нему.

В способностях несравненного воеводы выследить кого угодно Свирыята ожидаемо не сомневался. Успел Алеша узнать, и куда ему можно не ездить, но затем из-за недостроенного сруба показался давешний десятник и объяснил враз поскучневшему болтуну, что его место у ворот. Охотники, они следопыты, сами конюшню найдут, без провожатого, так что нечего от службы отлынивать, языком чесать.

Сдав онемевшим от изумления конюхам Хлопушу, Алеша подвел было и Буланко, но тот заартачился.

«Я с **этим** в один денник не встану».

— Вот тебе раз. Ты же овса хотел.

«Может, и хотел. Но подожду до вечера. С **этим** рядом есть не хочу».

Алеша пожал плечами и вскочил в седло.

— Хозяин — барин. Не хочешь овса, займемся окрестностями.

* * *

Негаданной прогулке Алеша был скорее рад. Нет, Стоян молодому Охотнику нравился, но год одиноких странствий сразу не отбросишь, да и наставники учат, что братьям и сестрам Китежа друг к дружке лучше не прикипать. Слишком уж велика вероятность не вернуться из очередного поиска, так зачем менять кусок собственного сердца на боль? Охотники живут и умирают

одиночками, а если и действуют сообща, то лишь пока того требует дело. Потом дороги случайных соратников расходятся, каждого ждет собственный путь, в конце которого караулит смерть. Если очень не повезет — от старости, но так далеко богатырь не загадывал. Чему быть, того не миновать, и вообще, что может быть лучше упругого конского бега да высокого ясного неба над головой?

«Хорошо, — словно бы откликнулся на хозяйские мысли Буланко. — Пусть и без овса, но хорошо. Привольно. И Тупого нет».

— Дался он тебе, — усмехнулся Алеша. — Ты б еще на бревно какое взъелся.

«Бревно, оно и есть бревно. Лежит. А Тупой бежит, конем прикидывается. Овес мой ест. Обидно».

— Радуйся лучше! Что конь богатырский, а не... — китежанин запнулся, подбирая подходящее слово, — не пень с подковами.

«Я радуюсь, — заверил лучший друг, в доказательство вскинувшись на свечку. — И злюсь тоже. Зачем это конем сделали?»

— Да кто этих яг разберет, сейчас-то чего о нем думать?

В ответ Буланьш хрюкнул, то ли согласился, то ли ругнулся, и припустил уже всерьез.

Осень дышала свежей полынной горечью, вечером следовало ждать инея, но сейчас солнце стояло высоко, заставляя заречные леса гореть золотом, а саму реку — серебром. Такой день тратить на пьянку с расспросами было бы жаль, особенно в новых местах, так что все обернулось к лучшему. Богатырь привстал в стремени, прикидывая, не проведать ли другой берег. Буланьшу переплыть Лихоборку, что морковку схрумкать, но для купанья было холодновато, и Охотник свернул на юго-запад, к показавшейся из-за роши невысокой гряде. Местность вообще потихоньку повышалась, все чаще встречались валуны: давала знать о себе близость гор, вершины которых синели на западе.

Китежанские книги величали Тригорье с его корабельными лесами и полными пещер и провалов меловыми холмами «весьма примечательным», но сам Алеша предпочел бы поглядеть если не самый юг Руси, то север. Восточные и срединные земли, мотаясь

из Великограда к заставам у Сорочинских гор, он узнал неплохо, а теплые моря и выстывшая навеки тайга прятали за своими туманами немало чудес. Порой страшных, но тем более любопытных, ведь то, что взялся защищать, нужно знать как следует... Именно это сказал тогда еще не Охотнику бродяга Громослав, встреча с которым, нет, не переломала Алешину жизнь, он это с большого ума сделал сам, а в нужную минуту развернула в сторону Китежа.

Странно все как-то вышло, теперь уже толком ничего и не вспомнить, кроме разговора, долгого, до меркнувших утренних звезд. Почему он погнал нынче напрочь позабытую кобыду на дальний огонь? В ту пору Алеша не то что говорить, видеть никого не хотел, уж больно тошно на душе было, а тут как на аркане потянуло. Осадив лошадь на краю порожденного светом костра мерцающего круга, он еще сам не знал, спешится или же поскачет прочь. У огня неспешно ужинал худой, но широкоплечий человек. Не старик, но в хороших годах, а лик строгий и точеный — такой в пору воеводе, а то и князю. Темная с проседью борода, черные брови, схваченные на лбу ремешком длинные белые волосы...

— Садись, — велел чернобровый, едва увидев молодого богатыря, — ешь.

Алеша поблагодарил и спешился. Хозяин огня развязал походную торбу, вытащил тряпицу с солью, полкаравая и ложку, деревянную, со стершейся резьбой. Они молча хлебали пропахшее дымком варево, потом просто сидели, глядя в костер. Краем глаза богатырь заметил на траве что-то необычное, вгляделся — гусли в красиво расшитом чехле. Ночной знакомец оказался певцом переходим, из тех, что бродят от города к городу. Хорошая жизнь, не скучная, нужно только со струнами ладить и лихим людям, случись что, давать отпор. Алеша мог и то, и другое, о чем и сказал больше себе, чем собеседнику, но тот чему-то усмехнулся и предложил сыграть. Гусли у него были дивные, Алеша во всяком случае не слышал, чтобы струны так пели.

Богатырь играл долго, сперва знакомое, а потом песня своеобразным ручьем потекла, куда ей самой захотелось. Гуслиарю представлялись то ромашковые поляны, то суровые темные ели,

то бескрайние, седые от ковыля степи... С разгона бросались в берега зеленые гривастые волны, кричали белые острокрылые птицы, ослепительно сияло солнце, срывались со скал снежные громады, катились вниз и вдруг оборачивались грозowymi облаками, проливались дождем, расцветали семицветными радужными мостами, с которых так удобно глядеть вниз на золотые от вызревающего хлеба поля. Помнится, он удивился, поскольку напевов таких не знал, и стоило об этом подумать, как в песне взъярился огонь, полетели по свирепому ветру рассыпающиеся в прах пепельные листья, полыхнули фиолетовые молнии... и пальцы словно бы сами прижали струны, вынуждая их смолкнуть.

— Хороша песня, — одобрил чернобровый, — да и ты искусен.

— Надо б лучше, да некуда, — хмыкнул разом поскучевший богатырь, возвращая ехидно тенькнувшие гусли хозяину. — Спасибо за хлеб да соль. Пора мне.

— Коли есть куда, езжай, — усмехнулся непонятный гусяр и вдруг добавил: — А оно есть?

Ни соврать, ни огрызнуться, ни уйти у Алеши отчего-то не вышло, только подняться и сказать, что были бы ноги, а дорога найдется.

— Ноги и у коня есть, — серые, будто облачный булат, глаза ярко блеснули, — но дорогу не он выбирает. Что песня твоя хороша, я тебе сказал, только оборвана, конца у нее нет. И не будет, пока себя не найдешь.

— Не моя эта песня, отец! Сам не знаю, откуда взялась.

— Из тебя и взялась. Чего в нас нет, не сыграть. Можешь меня Громославом звать и сел бы ты, что ли. Стар я голову задирать, снизу вверх только на небо глядеть сподручно.

С того разговора Алеша и стал на небо поглядывать, да и дорога в Китеж началась для него от Громославова костра, хотя чернобровый гусяр вроде бы ничего напрямую не сказал и даже не спел. О другом были его песни или все же об этом?

*Ой ты небо чистое, небо вечное,
Ой ты путь-дороженька бесконечная...*

Отголоски прошлого

Китежанин запрокинул голову, полные синевы небеса молчали. Может, оттуда кто вниз и глядел, но оповещать об этом мир он не торопился.

*Ой ты путь-дороженька беспокойная,
Ты куда зовешь, птица вольная?
Ты чего сулишь...*

«Кобыла! — внезапно доложил Буланьш, выдергивая Алешу из воспоминаний. — Сюда бежит, к нам... Боится».

— Одна?

«Всадника нет... Никого нет. Ближе уже».

— Ждем.

Крупная гнедая вылетела из-за ближайшего бугра и очертя голову рванула к пламенеющей неподалеку буро-золотой роше, но разглядеть пустое седло и болтающиеся поводья Алеша успел.

— Догоняем!

Пусть и хорошая, но обычная лошадь богатырскому коню не соперница, так что догнали вмиг. Китежанин перехватил поводья, вынуждая разогнавшуюся беглянку сбавить ход и остановиться. Бедняга дрожала крупной дрожью, тяжело поводья взмокшими боками; всадника — а всадник был, иначе б поводья так не болтались — она где-то потеряла. Конечно, он мог соскочить, не чая справиться с понесшей лошастью, или слететь со свечки или «козла», но Охотник не сомневался: то, что вынудило гнедую мчаться, не разбирая дороги, седока живым отпустило вряд ли. И не важно, что ни на чепраке, ни на самой кобыле крови не видно, не всякая смерть оставляет следы.

«Недобрым пахнет, — поделился своим опасением и Буланьш. — Плохо».

— Как плохо, не скажешь?

«Страшно. Ей страшно. Звери».

— Не худы?

«Звери. Лютые».

Это по осени-то, когда и детеныши подросли, и еды завались? У зубров гон уже кончается, если не кончился. Одинокий лось —

это тебе не «звери»... Алеша потрепал устало опустившую голову кобылу по шее и вгляделся в потемневший от конского пота чепрак. Добротный, не слишком новый и... со знаком заставной дружины. Выцветшим, но несомненным, так что кобыла получалась тригорской. И выскочила именно сюда она не просто так, а потому что рвалась домой, в спасительную конюшню.

— Ну и кого ты, подруга, везла?

Подруга вздохнула и еще ниже опустила голову, роняя на траву хлопья розовой пены. Поводить бы, только не до того. Пусть скачет на заставу, заодно оповестит дружинников о случившейся беде.

— Буланьш, ничего не чуешь?

«Ветер не тот».

— Да понимаю я, а вдруг... Ладно, давай-ка к роще.

«Поспешать?»

— Поспешай, но с оглядкой!

Горемычную гнедуху Алеша отпустил, ослабив ей подпругу, но больше не мешкал. Рощицу обогнули быстрой походной рысью, проскочили неширокий, заросший увядшей медвянкой лужок, перемахнули пологую балку, и тут задувший наконец в лицо ветер донес отзвук не то клича, не то песни. Вроде той, что тянут перед боем степняки. Эти запросто могли снять всадника стрелой, только откуда бы им здесь взяться? Великая Степь далеко. Разбойники?..

— Буланьш, теперь чуешь?

«Они и есть. Звери. И люди».

— Повернуть не хочешь?

«Убивать хочу».

— Ишь какой! Поглядим, может, и убьешь.

Дальше пробирались с удвоенной осторожностью. Буланко близкой опасности не чуял, но куда идти, теперь знал точно, да и ветер раз за разом приносил все более отчетливые звуки, которые больше не казались песней. Еще в богатырские времена довелось Алеше послушать, как воют захваченные охотничьей страстью волколаки, и сейчас он узнал, не мог не узнать... Так вот от кого в таком ужасе уносила ноги гнедая! По всему вы-

ходило, что выли на другом конце очередной роши, достаточно густой, чтобы до поры в ней схорониться.

— Буланьш, надо поглядеть. Сперва только поглядеть.

«Как скажешь».

Если от тварей ушла обычная лошадь, богатырский конь и подавно уйдет, но незнамо как объявившуюся здесь нечисть нужно хотя бы сосчитать. Был бы чаробой, можно было б и словечком-другим перекинуться, а так как бы и впрямь стрелу не словить. Выходит, мурын был волколачьим? Если нет, то в здешних краях нечисти в этом году — словно медом намазали... или кровью?

— Сколько их, не разберешь?

«Не понять пока. Разные они...»

В способности Буланко пробраться сквозь сухие заросли, не хрустнув и веткой, Охотник не верил. Пришлось спешиться и, пригнувшись, двинуться вперед самому. Осторожно ступая, почти скользя, Алеша прошел несколько шагов и чуть раздвинул колючие упругие ветки. Открывшаяся картина была, мягко говоря, невеселой.

Роша выводила в пологую ложину, за которой начиналась невысокая каменистая гряда с отвесными стенами. Вершину ближайшего холма, упиравшегося дальним краем в крутую скалу, украшали грязно-белые, изглоданные непогодой глыбы. У подножия среди валунов вперемешку валялись человечьи тела в легких доспехах и конские туши. Вглядевшись, китежанин узнал все те же синие, обшитые красным чепраки. Кони были с заставы и погибшие, надо думать, оттуда же. Хотя нет, не все! Среди тел ратников Алеша разглядел кого-то в грязной овчине, да и на склоне, чуть выше места побоища, валялась парочка таких же грязнуль. Живые тоже имелись, да такие, что у Охотника рука сама к мечу потянулась.

В разбойничьих ватагах место любой дряни сыщется — в этой самым приметным был здоровенный, локтей шесть, не меньше, волосатый бугай, для полного счастья облаченный в ржавые пластинчатые доспехи. Таковую, украшенную причудливыми косячками голову, правда отрубленную, Алеша прежде уже видал,

и принадлежала она таежной белоглазой чуди. Надо же куда вражина забрался... Впрочем, от Тригорья до Вольного полуострова не так и далеко, а в это воровское кубло в свое время кого только не заносило. Потому и разметать пришлось...

Из-за широченной чудиновой спиночки показалась человеческая рука в богатом, шитом золотом рукаве и повелительно ткнула пальцем в сторону еще одного здоровяка с бараньей башкой; судя по всему, наговоренного переворотня, такого же, как Иванушка. Баран кивнул, дескать, понял, и заодно почесал себе лоб меж заменявшими шлем рогами. Черная косматая шерсть служила ему сразу и одежкой, и доспехами, но штаны все же имелись, как и внушительная булава с длинным и толстым древком. Но выл-то у них кто? Ага, вот же он, тоже чужин загородил. Морда волчья, скрытая выдавшей вида железной маской-намордником. В лапах явно тяжелый посох с причудливым навершием, за спиной — эдакий «птичий насест» с перьями и черепами. Шаман волколачий, тут не ошибешься, но стаю-то свою он куда девал?

— Буланьш, — окликнул оставшегося позади друга Алеша, — волков сколько? Один или больше?

«Один... Гадкий».

Значит, один. То ли с вожакom разлаялся, то ли стая где-то полегла, один колдун выжил и пристал к разбойничкам, а те и рады, но атаман у них должен быть бедовым. Чудь с волколаком-колдуном в узде держать не всякий сможет, да и в баранью башку чего только не взбрдет. Вновь мелькает темно-зеленый с золотом рукав. Похоже, это и есть атаман, остальные — обычные головорезы в коже, овчине и выцветших тряпках. Копья с крючьями, щиты щербатые... Голодранцы. Сносных доспехов не видать, луков тоже, а ведь ратников с лошадьми клали лучники. Ага, вот вы где, холера пыльная! Чуть в стороне трое несомненных степняков с луками наготове выцеливают кого-то среди глыб на вершине холма. Значит, там засели выжившие, и мертвые разбойнички на склоне — их работа.

Сколько же тригорцев уцелело и сколько способно драться? Коней погибло раза в два больше, чем всадников, а Свирыта обмолвился об усиленных разъездах. Получается, как раз такой

нарвался на шайку и то ли сил бедняги не рассчитали, то ли в ловушку угодили, то есть опять-таки просчитались. Укрылись на вершине холма, а уйти не могут: коней нет, враги обложили с трех сторон, а позади — стена, на такую под стрелами не забраться. И что с ними, невезучими, теперь делать? Не бросать же!

За камнями, будем считать, трое. Если больше — нам же лучше, но закладываемся на троих. Разбойников без атамана изначально должно быть двенадцать, у них так заведено, число, говорят, счастливое... Дохлых вроде бы трое, остается девять; из них в драке самые опасные — чудин, волколак и, если он хоть что-то смыслит, баран. Ну и лучники, этих надо класть первыми.

Была бы тут волколачья стая, Алеша трижды бы подумал, но сейчас, если действовать с умом, все сложится, а без ума он действовать закаялся. Со Стояном и десятком воинов было бы надежнее, но пока туда-сюда обернешься, здесь все полечь успеют, и что с того, что душегубы свое получат? Месть мостью, но выручить своих всяко лучше — выручить и надавать по ушам за глупость. Если уж связался с медведем, делай это так, чтоб ты его, а не он тебя!

Отпустив ветку, Алеша скользнул назад, к вытянувшемуся в струнку другу.

— Ну, Буланыш, будем бить! — решительно сказал он, доставая из саадака лук и стрелы.

«Бить!»

— Первыми — лучников, а там разделиться придется...

Медлить китежанин не собирался, но разбойнички все равно взялись за дело раньше. Мелькнуло плечо так и торчавшего за чужью атамана, после чего белоглазый задрал голову и коротко рыкнул, похоже — передал приказ. В ответ стрелки проорали что-то по-своему и вскинули луки, карауля любое движение на вершине холма, а остальные рванули по склону вверх. Пришлось и Алеше поторопиться, разорившись аж на три лучшие стрелы. Вдох, и — раз, и — два, и — три!

С луком Охотник умел управляться получше этих шакалов, и третья стрела сорвалась с тетивы, когда первая только-только нашла свою цель. И лишь последний степняк успел понять, что

происходит, но отпущенного ему времени хватило только голову повернуть к валящимся в бурьян собратьям... А теперь — вперед! Теперь главное быстрее домчаться.

Хороший всадник с конем — единое целое, но один против троих, против **таких** троих, всяко хуже, чем двое на трою. С чужью и атаманом Алеша решил драться пешим: и на склоне так удобнее, и занятый Буланьшем волколак со спины не зайдет.

— Твой — шаман... волк с палкой, — уже на скаку велел богатырь. — Не подставляйся только!

«Собью и стопчу...»

— Сперва волка с бугаем разделим! Как велю, сбросишь...

Лошину Буланко перемахнул в несколько прыжков, времени достало лишь лук убрать да проверить, как выходит из ножен меч, душегубы же не успели и до трети склона добраться. Пятеро во главе с то и дело потрясавшим своей булавой переворотнем поднимались первыми, главарь с явно охранявшими его чужью и шаманом — приотстали. И хорошо, на них-то Алеша и нацелился. Почуввав неладное, чудин с волколаком почти одновременно обернулись и уставились на несшегося на них богатыря.

— Давай!

Ждущий приказа Буланко тут же «вышел из повиновения», на полном скаку вскинувшись на свечу шагов за пять до торопливо разворачивавшейся навстречу новому врагу троицы. Не ожидавший такого всадник «вылетел» из седла, и «перепуганный» конь понесся прочь — о нем можно было забыть. Троице оставалось расправиться со «сброшенным» русичем, который все же встал, хоть и неуклюже.

По спине знакомо и жарко забегали мураши: шаман свое дело знал, только не с тем он сейчас связался. Ну, ударил, гад, и ладно, только б в живую драку со своим посохом не полез, не до него будет... А мураши словно придали сил да задора.

«Сейчас, хозяин... Я уже...»

— Осторожней там!

Первым на нового врага кинулся белоглазый. Вблизи он оказался еще внушительней: как вставший на дыбы медведь, только выше. А вот ноги у гада не защищены, да и доспех под меховой

накидкой — неполный, плохонький, местами помят-побит, кое-где не хватает пластин. Не чинили давно? Зато с мечом порядок — здоровенный, саженный, вычурный клинок обильно украшен позолотой. Заморский и не из дешевых, интересно, где чудин им разжился. Двуручник в сильных лапищах — это серьезно, зато понятно. Как замахнулся, так и саданет, без обмана.

Сзади возмущенное фырканье, впереди знакомый яростный клич — навстречу разбойникам из-за камней выскочили фигуры в знакомых островерхих шлемах. Увидели и поняли... молодцы, но трое против пятерых, да еще и с переворотнем — тяжело. Значит, тут надо кончать побыстрее, но сказать проще, чем сделать. Чудин не мешкал, с ходу обрушил на китежанина косой удар. Метил в шею, но Алеша отскочил, только и вражина был не промах. Мгновенно последовал второй удар и тут же третий. Оба — мимо, лишь загудел рассекаемый тяжелым клинком воздух. А главарь-то где? С волколаком, что ли?

— Буданыш!

«Справлюсь. Я справлюсь».

Глазеть по сторонам было некогда, белоглазый, несмотря на грузность, двигался быстро и дорогим оружием владеть умел, недооценивать такого — нельзя. С таким надо со всем тщанием. Сперва качнем плечами, обозначая уход вправо, подальше от длинного меча и длинных рук, а потом мягко перекажем вниз. На пару шагов. Непонятного русича можно и здесь достать, что чудин и попытался сделать. На свою беду. Склон ведь, неровно — пришлось при ударе, чтобы не упасть, выставить вперед ногу чуть дальше. И все бы хорошо, но только что с трудом уклонявшийся от ударов «недотепа» в этот раз принял вражий меч на свой. Чудинов двуручник скользнул по косо подставленному чужому клинку и ушел в сторону, заставляя хозяина пошатнуться. А ведь Охотник-то никуда не делся, так и остался на нужном расстоянии — и ударил. Ни защититься, ни отскочить страхолуд не успел, и Звездный меч отсек огромную ступню. Начисто.

Струя крови, отчаянный рык — и потерявший равновесие людоед с шумом покатился вниз, давая Алеше передышку.

«Хорошо! Ох, хорошо...»

Буланыш хозяина хвалить и не думал, он удара вообще не видел. Умнице и красавцу не до того: он таки сбил волколака с ног и теперь от души топтал — скоро точно добьет! Ну раз у Буланко порядок, надо заканчивать с белоглазым! Два прыжка вниз, где тот, сидя на земле, скалил людоедские клыки, еще не до конца осознав, что же произошло. А вот меч из рук выпустить и не подумал, зараза! Ну и ладно, добьем и так.

Сила и ярость не всегда и не всех спасают, не помогли они и таежной твари. Чудин вскинул меч в надежде отбить разогнавшийся Звездный клинок и получил по руке. Чавкнуло, хрустнула разрубаемая кость, образовавшаяся культя плюнула кровью, а китежанин уже рубил оставшуюся без прикрытия шею. Правда, тут пришлось постараться, вложив в удары всю богатырскую силушку, одного умения для такой орясины¹ не хватало.

Оскаленный лохматый кочан со стуком закувыркался по склону, и Алеша наскоро огляделся. У Буланко тоже все шло как нужно, шаман еще дергался, но мураши молчали. Гаду было не до колдовства — увернуться бы от копыт.

— Атаман, атаман-то где?

«Который?»

— Потом... — Первым делом сейчас — уцелевшие ратники. — По сторонам следи!

Битва наверху была в самом разгаре — став свободным треугольником и прикрывшись щитами, тригорцы отбивали яростные наскоки четырех оставшихся разбойников. Да, четырех — пятый, затянутый в темную кожу бородач свое уже получил и улегся в сторонке, выронив копье и широко разбросав руки. Ну и прекрасно, но помочь все равно нужно! Кто у нас тут поопаснее прочих? Конечно, переворотень... Самый здоровый и быстрый, да и двигается получше остальных — тут не только сила, как у Ивана, тут и опыт имеется. Но что обидно козлу, то и барана зацепит, особенно — злонравного. Это у Иванушки была Алешка, не давшая могучему, но юному и дурному братцу податься в лиходеи, а этот кудлатый сделал выбор — и уже плевать по-

¹ Орясина (бран.) — высокий и глупый.

чему. Раз к шайке душегубов прибился, значит, знал, на что идет. С разбойниками поздно разговаривать, только бить!

— Эгей, ты там! Баран тупорогий!

Алеша крутанул мечом, стряхивая с лезвия чужью кровь, и рванул наверх, мимо покойничков, что здесь уже валялись, когда китежанин только подоспел. У того, что поближе, в башке, точнее — в глазнице, торчала стрела, а у второго — обломанное древко меж ребер. Полезли небось первыми и огребли — кто-то из засевших наверху оказался отличным стрелком. Потому и топтались, твари, внизу до поры. Ждали, ну и дождались!

Намеченный в качестве цели переворотень то ли по глупости, то ли, наоборот, от великого ума отвлекаться на нового врага не спешил. Так и махал своей булавой, пытаясь достать коренастого дружинника. При каждом ударе от умело подставляемого передним тригорцем червленого щита отлетали щепки, но дерево — уж не бакаут ли корабельный? — пока выдерживало. Бить в ответ воин не успевал: приходилось заодно отмахиваться от копья обряженного в грязную овчину молодца. Тот скакал как ошпаренный, не забывая отчаянно браниться, и донимал тригорца частыми и опасными уколами. Вот ведь блоха настырная!

Ни о каком «честном» поединке у Алеши даже мысли не мелькнуло, еще чего не хватало! Не следишь за спиной — твоя печаль, паршивец. Последняя.

До барана оставалось еще шагов десять, Охотник уже всю примеривался к черно-курчавой спине, и тут коренастый, приняв на щит очередной тяжелый удар, пошатнулся, и его повело в сторону. «Овчинный» словохульник не зевал и радостно кинулся вперед, тригорцу пришлось уклоняться еще и от него. В итоге такого «танца» перед Алешей вместо черной кудрявой шерсти возникла грязно-серая овчина. Но не упускать же возможность! Только б щитоносец продержался еще немного, ну вот совсем чуть-чуть...

Последний шаг, удар. Рука Охотника в привычном, тысячи раз повторенном движении понеслась вперед, и острие Звездного вошло точнехонько под основание вражьего черепа, пронзая мозг. Тело разбойника на миг замерло, чтобы тут же меш-

ком осесть вниз. Теперь надо высвободить клинок и вернуться к переворотню. А тригорец молодец, выстоял, хоть и с трудом! Алеша видел, как тяжело дается ратнику хотя бы стоять собранно и защиту держать, но окончательно себя забить он переворотню все же не дал. А теперь и тот увидел наконец нового противника и замер в недоумении, таращась — баран же!

Долго удивляться ему, впрочем, не дали. Прежде дравшийся молча коренастый — сам крупный, а бороды не видать, значит, молодой — заорал про молью траченный тулуп и шагнул вперед, откровенно грозясь рубануть по рогатой башке. Очнувшийся баран повернулся, примеряясь как бы снова врезать по побитому щиту, и тут Алеша прыгнул вперед. Сам вытянулся в струну и меч вперед выбросил на всю длину руки, будто копье. Как наметил, так и попал — Звездная сталь пропорола душегубу бок и глубоко ушла в тело. Вывалилась из разом ослабевших рук булава, а ее хозяин скорчился и повалился на траву... но добить-то надо.

— Там!.. — прохрипел дружинник, лоя ртом пахнувший кровью воздух. — Справа... помоги... Я... слажу!

Ну дело хозяйское, а **там** помочь и впрямь надо; парня, что бился справа, похоже, вражки лучники в самом начале таки достали. Дружинник, хоть и держался, но только и мог, что защищаться. Плечо бедолаге кое-как перетянули, но тут не драться, тут лежать надо. Правда, и противник не сказать что орел.

Недолго думая, Алеша незатейливо, в два прыжка, долетел до бойцов, отвлекая душегуба с секирой на себя. С ходу обрушил на врага один удар за другим, не давая тому времени глянуть на былого противника даже краем глаза. Два удара разбойник выдержал, отмахиваясь своей секирой, в третий раз не успел, повалился с разрубленной головой. Больше выручать было некого.

Коренастый ратник с товарищем уже добивали последнего врага. Хриплый злобный вопль перешел в стон, лязгнув о камень выпавший из руки меч, затем хлопнулось оземь и тело. Всё. Тишина, прерываемая лишь тяжким дыханием победителей.

«Хорошо, — радовался внизу тоже доведший дело до конца Буланко. — Сдохли! Все сдохли!»

— Хорошо, — шепотом согласился Алеша, вытирая клинок об овчину верзилы с секирой. — Ну здравы будьте, тригорцы.

— Здрав будь, богатырь, спасибо тебе, выручил, — слабо улыбнулся раненный в плечо паренек.

— А как иначе? — буркнул не любивший этого обращения китежанин, вбрасывая меч в ножны. — Только не богатырь я, а Охотник.

— Кем бы ты ни был, — подошедший коренастый слегка прихрамывал, — в долгу мы перед тобой как в шелку.

— Отдашь при случае. — Этого в Лукоморье надо брать. И раненого, если отлежится быстро, тоже, но пусть сперва Стоян с воеводой договорится. — Весело у вас тут.

— Аж не верится... — дружинник отер рукой лоб. — Данила я, десятник с Тригорской заставы.

— Откуда вы — я уже понял. Меня Алешей зови.

«Хозяин, палку мне ломать или сам глянешь?»

— Постой, гляну сперва.

Длинный, любовно сработанный посох валялся рядом с шаманом и, в отличие от своего владельца, не изменился. Смерть возвращает оборотням изначальный облик, так что на склоне лицом вниз лежал некто полуголый среднего роста с редкими седоватыми волосами. Спину мертвеца широким потоком заливала вытекавшая из разбитого конскими копытами черепа кровь, но плечи и бока оставались чистыми, если не считать багровеющих кровоподтеков и причудливых серо-черных наколок. Вплетенные в сложные узоры злые руны Алеша узнал с легкостью, судя по ним, шаман был родом с севера.

«Палка, — напомнил Буланьш и не удержался, похвастался: — Он думал, я, как та дура гнедая, сбегу. Не оборачивался, на тебя глядел, палкой своей махал. А я не удрал, подскакал да сбил».

— Ты молодец. — Богатырь завертел головой в поисках второго трупа, но колдун был один. — А где атаман, в зеленом который? Его ты куда дел?

«Никого я не девал. Был тут один, зеленый, удрал... Не до него было».

— Найдешь?

«Зачем? Он неопасный».

— Для порядка.

Покойника богатырь перевернул тоже для порядка. По человеческим меркам оборотню было где-то за сорок. Не урод, не красавец, не силач, не доходяга, руки без мозолей, в обычной одежке запросто сошел бы за писаря. Шансов, что волколак поднимется, было немного, но береженого сам Белобог бережет. Сердце злонараву Алеша мечом все же пронзил, после чего отсек и разбитую голову. Лишь после этого поднял не дававший Буланьшу покоя посох и хоть и с трудом, но переломил о колено.

Маску и спинное реечное украшение шамана верный конь уже растоптал, но Алеша все же присел возле намордника, поднял, повертел в руках, дивясь на странные боковые шестеренки и пружины, позволявшие открывать-закрывать пасть с железными зубами. Удачно, что ремешки оборвались, когда Буланьш на врага налетел, и маска слетела: такими зубищами ногу конскую перекусить пусть и сложно, но можно.

Тащить с собой этакую гадость не хотелось, но желания желаниями, а дело — делом. Стоян опытной, может, что по смятому железу и прочтет, а выкинуть и потом можно.

— Буланьш, я знакомиться, а ты пока понюхай, чем тут пахнет. И зеленого поищи, того, который удрал.

«Да ну его... Он нестрашный. Зачем искать?»

— Для порядка. Только далеко не уходи.

«Как искать, если не уходить?»

— Поблизости, — хмыкнул Алеша и не спеша поднялся к обступившим тело переворотня тригорцам. Умирал, поганец, бараном, но на склоне лежал человек — молодой парень с широким и большеносым веснушчатым лицом.

— Колдун? — хрипло осведомился у подоспевшего Охотника Данила, кивая на труп у своих ног.

— Этот — нет. Наговоренный переворотень. Колдовал тут волколак, его мой конь забил; а я башку оттяпал, а то мало ли.

— Может, еще и сухожилия подрезать?

— Коли не лень, хуже точно не будет. Похоже, это он вас заморочил, шкура драная.

— Если б заморочил, — поморщился дружинник. — Сами мы в западню влетели. Ехали к Безбурному заливу, это в другой стороне совсем, и тут человек нам на дороге попался, по виду из местных. Рассказал, что возле Фомкиных горок странное творится, да не ночью, а среди бела дня. Будто бабы в белом из камней выходят, плачут и не то просят о чем-то, не то объяснить что норовят, только слов не разобрать. И еще яблоками пахнет и ровно колокол гудит.

— Есть такое место, — с некоторым удивлением припомнил китежанин, — только не у нас, а в далеких западных землях. Вышло там в старину одно дело дурное, потому и плачут.

— Мы об том не слышали, вот и поехали проверить. Яблоками в самом деле дохнуло, а потом сразу стрелы...

Может, так все и было, а может, стыдно десятнику признаваться, что сглупил, — и людей положил, и дела не сделал. Но, что понимает и вину свою, и дурость — хорошо, значит, голова на месте. Будет от него прок в Лукоморье.

— Мне говорили, места у вас тут тихие теперь, — подкинул полence в угасающий разговор китежанин, — все шайки давно скрутили... в бараний рог. А оно вон как. Выходит, донимали вас все же разбойники?

— С чего бы? — чуть ли не обиделся Данила. — Воевода с них бы живо шкуру содрал. Уж он бы не вяпался, как...

— Витязь, — звонкий юношеский голос раздался сверху, прерывая дружинника, — витязь китежский! Воевода зовет.

— Воевода? — малость растерялся богатырь, разглядывая торопливо спускавшегося светловолосого парня в балахоне и с большой сумой через плечо. — Куда?

Ученик-то волшебника здесь откуда? Уж в ком-ком, а в чародеях Алеша разбирался — тот, кто сейчас бежал вниз, определенно был учеником. Потому, видать, и в бою не участвовал, силенок не хватило. А может, раненых на вершине выхаживал?

— Так наверх, — нехотя буркнул десятник. — Камнем огненным воеводу приложили, по шлему. Этот, колдун который — из седла выбил в самом начале заварухи, тварь. Хорошо хоть шлем ладный, камень его не пробил насквозь, только оглушил...

Договорить Данила не успел, подоспел волшебничек и немедленно позеленел: кровь и трупы для него явно были в новинку.

— Витязь, — юнец судорожно сглотнул, но через переворотня все же перешагнул. — Прошу тебя подняться к воеводе.

— Лады, — кивнул, кажется, разобравшийся, в чем дело, китежанин.

Для Данилы воеводой все еще оставался Кит, а в ловушку угодил новый, приезжий, тот самый, которому сам худ не брат. Ехал к Безбурному заливу, да не доехал, услышал о белых плакальщицах. Расспросить толком встречного болтуна удалец то ли не смог, то ли не захотел и тригорцам не дал. И без них ведь ясно: зло солнца не любит и яблоками не пахнет, а женщины плачут, как же им не помочь? Вот и помог... Алеша его не осуждал, сам бы он в докитежские времена точно бы попался, разве что силушка богатырская да удача выручили бы...

На вершину поднялись молча, все еще зеленоватый волшебничек — и все-таки, что такому слабосильному на заставе делать? — угрем скользнул меж двух ближних глыб. Китежанин, задев плечами камень, протиснулся следом и оказался на заросшей пожелтевшей ползучей травой площадке, посредине которой разлегся похожий на грязно-белого медведя большой валун, почти скала.

В тени у ее подножия провожатый и остановился, склонившись над сидевшим у валуна воином. Рядом караулил невысокий остроносый лучник, а чуть дальше лежал кто-то заботливо прикрытый лазоревым великоградским плащом, видать, тоже раненный.

Лица воеводы Алеша разглядеть не мог из-за спины и просторных одежек юнца, но то, что это богатырь, понял сразу: уж больно длинные видневшиеся ноги, да и покрывавшая бедра броня — богатая, крепкая... и сапоги ладные, красные... и слегка помятый, но богато украшенный шлем, лежавший в траве...

Алеша едва не споткнулся, увидев этот шлем. Богатый и приметный, с позолоченной личиной и поперечным треххригим гребнем, напоминавшим кокошник.

— Воевода, — чародейчик заговорил медленно и ласково, именно так говорят с больными. — Охотник китежский по твоему зову явился.

— Отойди, Бежан, — ответ был тихим, хриплым, но совершенно отчетливым. — Дай посмотреть.

Юноша послушно отшагнул в сторону, и на Алешу уставились синие бездонные глаза. Воевода оказался широкоплечей богатыршей-поленицей, совсем еще молодой. Бледное, ни кровинки, суровое при всей своей красоте лицо обрамляли слипшиеся, коротко остриженные волосы. Последнее не удивляло — девицы на Руси гордились длинными косами, а вот поленицам приходилось их остригать, чтоб не мешали надевать шлем. Так же и с Охотницами — обычай обычаями, а с длинными волосами в долгой и опасной дороге та еще морока.

— Вот так дела, — произнесла богатырша, устраиваясь поудобнее и упираясь спиной в камень. Ее можно было бы назвать красавицей, но все портили поджатые, изогнувшиеся лунницей губы и холодный взгляд из-под нахмуренных бровей.

— Дела веселые, — согласился китежанин, ожидая, что будет дальше.

Собеседница слегка прищурилась и подалась вперед.

— Ты, китежанин, — осведомилась она, — часом, не Алеша ли, сын Леонтьев?

— Был когда-то, — без особой радости кивнул опознанный.

То, что поленица из Великограда его признала, не удивило. Богатырь Алеша в свое время столько всего в столице натворил, что его там каждая собака знала, а память о нем и доселе хранила.

— Наслышана о тебе, — в голосе воеводы, как и во взгляде, чувствовалась сталь. — Много говорят о тебе в Великограде...

— Уверен, — осклабился Охотник, — только хорошее.

— Всякое, — поленица чуть повернула голову, и Алеша разглядел на ее правой щеке родимое пятно в виде слезинки.

Раз такое увидишь, не позабудешь, и богатырь не позабыл.

— Несмеяна, — он слышал о ней и даже видел пару раз, только нынешняя воевода тогда была совсем девчонкой. Хмурой, насупленной дыдой, которую гонял на ристалище однурукий Толимир, наставник великоградской младшей дружины. — Нежданная встреча, царевна.

— Воевода! — резко и как-то зло поправила поленица. — Какими судьбами в Тригорье... Охотник?

Сказала — как плюнула. Ох, Стоян, и намаешься ты с этой девицей договариваться. Это тебе не старый друг Кит Китыч, с которым выпил — и крути им как хочешь. Несмеяна к самому Великому Князю в свое время пристала, чтоб ее в дружинку взяли. И, судя по тому, что отрядили ее не худшей заставой верховодить, за прошедшие годы добилась царевна немало.

— Какими судьбами? — лениво переспросил Алеша. Спуска он никому не давал и сейчас не собирался. — Да такими же, что и ты. Решил по округе поездить. Только вот и сам в западню не угодил, и другим выбраться помог.

В ответ воевода едва не зашипела, но в яростном взгляде вдруг промелькнула такая душевная боль, что все желание и дальше ее подначивать у Алеши разом пропало.

— Лады, — махнул рукой он. — Сейчас насущными бы делами заняться...

Они не рассорились, хотя могли бы. Похоже, жизнь успела чему-то научить обоих. Да и дел в самом деле навалилось невпроворот. Когда у тебя лишь один конь, пусть и богатырский, и трое раненых, в небе шастают мурины, а в рощах — разбойники, не до ссор.

Чуть помозговали и управились. Отозванный Буланьш, пусть и нехотя, согласился оставить поиски сбежавшего «зеленого» и свезти на заставу раненного в плечо тригорца, остальные остались ждать подмоги среди камней и дождались, еще и солнце не село.

Узнавший о том от верного Буланко пораньше прочих Алеша подал знак Несмеяне, подхватил лежавший рядом на всякий случай лук и отправился встречать подъезжавших к роще тригорцев. Отряд возглавляли Кит Китыч со Стояном, за ними виднелись ратники и пара телег для раненых и убитых.

Очередной суматошный день кончился, причем благополучно, и богатырю подумалось, что с неожиданностями всё — хотя бы на сегодня. Разумеется, он ошибся.

— Новостей ворох! — торопливо шепнул, едва подъехав, Меченый. — Но главная — объявился Марфин подсыл. Все куда

Отголоски прошлого

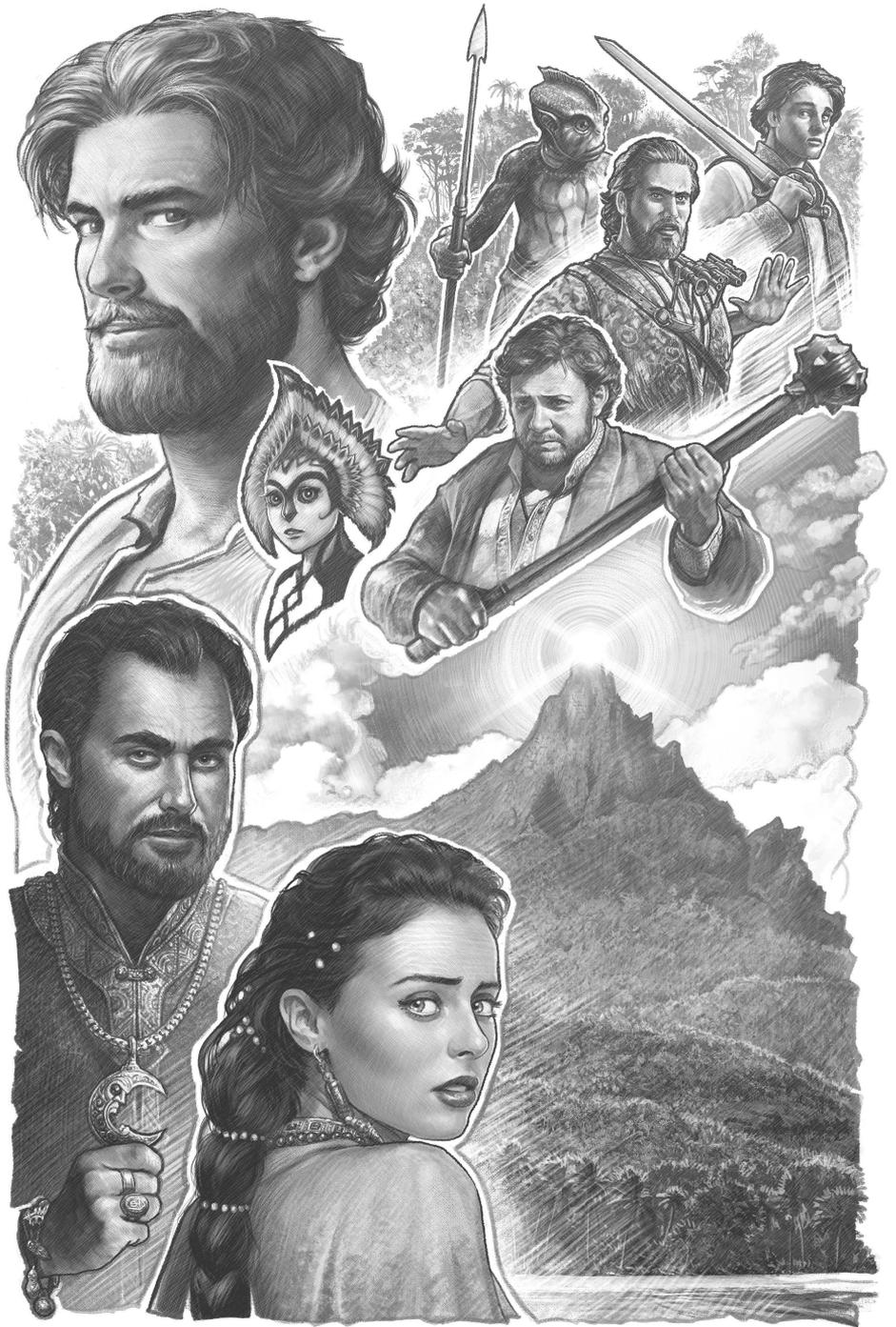
лучше, чем думалось. Где Лукоморье, Огнегор до сих пор не знает.

— Отлично, — откликнулся Алеша и позволил себе улыбнуться.

Новости и впрямь радовали. У них появилось время, которое можно потратить с толком. И весточку кому надо послать, и подмоги дождаться, и здешние странности, которых хватало, обмозговать. Но это потом, когда Буланко получит свой овес, а сам он доберется сперва до бани, а потом и до чарки... чарок.

Эх, хорошо, когда неожиданности приятные.

ИСКУШЕНИЕ

адмила, расскажи сказку! — потребовала девочка, устраиваясь в кровати поудобнее. — Только, чур, страшную! И чтоб про маму и папу тоже было! И про птиц!

— Ох, радость моя, ну и задачки ты мне задаешь на ночь глядя. Все бы тебе страсти слушать, давай лучше про бычка...

— Не хочу про бычка, давай про страсти!

Няня, полная, в годах, вздохнула тяжело и провела пальцем девочке по лбу, отводя черную прядку.

— Ох-ох-ох. Ну ладно уж, слушай. Жил да был на юге далекой Славии купеческий сын, удалец-молодец. Решил он мир посмотреть, себя показать, вот и ушел из родного дома в далекие края. Промотался, обнищал, просил у отца помощи, но тот отказал — мол, раз сам прогулял, сам и выкручивайся. Делать нечего — пошел удалец на торговую площадь, думает — вдруг кто на работу наймет? Заявился туда богатый иноземный купец. Увидали его другие поденщики и все, сколько ни

было, врозь рассыпались, по углам попрятались. Только купеческий сын и остался. Подъезжает к нему богачей и работу предлагает. Будь купеческий сын поумнее или потрусливее, от предложения отказался бы, но бедняку выбирать не приходится, вот и отправился он с новым хозяином в неведомые земли. Долго ли, коротко ли, но приплыли они к острову с золотой горой.

Девочка радостно заулыбалась, а няня продолжала:

— Там и выяснилось, что купец нанятых поденщиков на гору отправляет, заставляет золото вниз скидывать, а потом на вершине оставляет, на поживу железным воронам.

— Вороны... страшные... — шепнула малышка, подтягивая одеяло до самого носа.

— Еще какие! И перья черные, и клювы, и когти — все железное! Никого не бояться! Но сказ не про них. Был купеческий сын собой хорош. Приглянулся он дочери купца, что островом владел, та ему и помогла.

— А как ее звали? Она тоже красавица была?

— Конечно. А звали ее Фируза. Тише, тише, не шуми. Вот сунула девица ему в руки кремень да кресало и говорит, мол, возьми, пригодится. Так и случилось. Остался работник на вершине один — купец-то его там бросил, как и всех прежних, — чиркнул об кремень кресалом... И тут же объявились невесть откуда два молодца! Спрашивают: чего желаешь? Они, оказывается, желания выполняли.

— Как джинны? — оживилась девочка.

— Почти, — хмыкнула нянька. — Вот сын купеческий им и говорит — снесите меня на берег. Они и снесли. А мимо корабль проплывал, бедолагу подобрал, отвез на большую землю.

— А как же красавица?

— Ты слушай дальше. Вернулся удалец на большую землю — да сердце не на месте. Переживает за Фирузу, ведь помогла ему добрая душа, а сама в плену у злодея-отца на острове томится... Снова пошел на торговую площадь, в надежде, что подлый купец нового поденщика искать будет. Так и случилось. Не признал тот былого знакомца, снова нанял. Так и отомстил негодяю работник — с помощью молодцев из кресала отправил душегуба на вершину, на поживу железным воронам, а сам женился на Фирузе. И жили они...

ИСКУШЕНИЕ

— Так нечестно! — надулась девчушка, сонно хлопая глазами. — Не страшно совсем.

— Про страшное завтра расскажу, — твердо сказала няня, поднимаясь. — А сейчас тебе спать пора.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Девчушка, счастливо улыбаясь, повернулась на бочок, а няня задула свечи и, едва слышно вздохнув, пошла к дверям.

* * *

Кабы знал кто, сколько глупостей совершают люди после слов «Спорим, не сможешь? — А спорим! Смогу!», то наверняка теми байками заполнил бы дюжины книг. Однако и подвигов славных среди подобных деяний хватило бы, ведь порой странные поступки лишь на первый взгляд глупыми кажутся, а приглядишься пристальнее и поймешь, что ведут они человека за пределы колеи наезженной, по которой катится колесо его жизни. И заводят порой в такие места да переплеты, куда другим способом и не попасть. Лишь только на спор. Уж кому, как не Садко, об этом знать!

Усмехаясь, капитан «Сокола» слушал, как препираются Милослав с Нумой, да еще Радята их подначивает. Вмешиваться Садко не спешил, лишь наблюдал.

— Нет там ничего! — Нума скалил зубы, нервно подергивал серьгу в ухе, все никак не мог успокоить длинные пальцы. — Только дымка туманная, кольцевая мель да волнение на море. Камни да скалы коралловые, не иначе. Стороной идти надо.

— Эх, не все ты разглядел, индеец, — спокойно басил в ответ Милослав. — Устал небось. Но ты не злись, Нума. Тебе ли с «Соколиком» тягаться. У тебя глаза, поди, не волшебные.

— Не надо стороной идти, еще чего! — ворчал в сторонке кашевар Радята, будто бы под нос себе, но так, чтобы спорщики слышали. — Мясо на исходе, солонины два куса осталось. Зелень когда доели? Да-а-авненько. Чтобы десны крепки были и хворь команду не свалила, на сушу нам надо, припасы пополнить...

А Нума продолжал горячиться, указывая на стену плотного тумана, что недавно возникла прямо по курсу. Казавшаяся бесконечной преграда тянулась с юга на север, клубясь серыми пятнами и разводами. Она нависала над кораблем угрожающе, будто самым своим видом желала нагнать страху и всякого морехода отвадить прочь.

— Нет там земли никакой! Нет там суши! — кричал Нума. — Все глаза проглядел, просто туман это!

— Да где ж это видано, чтоб туман так себя вел? — снова встрял Радята. — Сам-то подумай — день в разгаре, а тут туман! Да еще на месте стоит, словно кто-то ограду поставил! Что в нем обычного?

— Вот и она твердит — не все так просто! — подтвердил Милослав, указывая на волшебную карту. — Разве что твои «камни да скалы» размером с остров большой...

Наконец уставший Нума не выдержал:

— Спорим, нет там острова никакого?

— Спорим! — и Милослав с индейнином звонко ударили по рукам.

Садко едва слышно хмыкнул. Вот ведь, по первости не доверял Милослав карте волшебной, ворчал, перепроверял курс по звездам и сверялся с заметками в судовой книге. А поди ж ты, путешествие к концу идет, и нá тебе — уверен кормчий в правоте карты и даже биться об заклад готов...

Только решение принимать капитану, а не спорщикам.

— Подойдем поближе да проверим, — твердо произнес Садко. — Прав Радята. Задержались мы из-за Алечки, запасы пополнить стоит.

Споры спорами, любопытство любопытством, а о здоровье команды забывать нельзя. Земля далеко, значит, надо идти в загадочный туман. Вдруг там и правда остров? А камни да мели «Соколику» не преграда, обойдет беду, как уже не раз бывало.

— Да было бы, где пополнять! — Нума обернулся к капитану, схватил его за рукав. Видно, и вправду взволнован, не по пустой прихоти с кормчим спорил, а готов до последнего за правоту свою биться. — Нет там ничего, кроме тумана, да прибор над

ИСКУШЕНИЕ

скалами острыми. Голову готов поставить. Что ж я тебя, капитан, обманывать буду?

Садко покосился на волшебную карту. По всему и впрямь вышло, что остров прямо по курсу, не только скалы да отмели. А еще... По мнению карты, не было впереди никакого тумана. Нарисованное солнышко плыло над островом-невидимкой, ласково улыбаясь.

— Волшбой тут за версту разит, — Садко поморщился, поправил кушак. — Кто-то глаза отводит, то ли нам, то ли «Соколику». Что скажешь, Витослав?

Чародей-обаяльник, который уже давно неслышно подошел сзади и с интересом вслушивался в спор, кивнул в ответ:

— На завесу волшебную похоже. Есть такие чары, ограждающие место от чужих любопытных глаз. Много их видов, и по-разному работают. Даже я парочку знаю. А тут — уверен, коли местных мореходов спросить, все, как и Нума, скажут: туман, скалы да мели, нечего туда соваться, если корабль дорог.

— Милослав, — повернулся к кормчему Садко. — А по бумажным картам не проверял, есть ли остров иль нет его?

— Проверял, вестимо, за кого ж ты меня держишь? Да только «Соколики» наш уже не раз доказывал, что видит он то, что взгляду человеческому не разглядеть. Так что имеется там остров, пусть на картах и не отмеченный. Видать, чародей на нем какой-то живет, вот и спрятался.

Садко задумчиво провел рукой по бороде. Туман впереди и впрямь настораживал, волшбу такую сильную не всякому под силу навести. По-хорошему бы обойти загадочную преграду, да и дело с концом. Но если не врет Радята, то припасы пора пополнять, а если не обманывает чутье — впереди ждет приключение. Как там говорится: за двумя морскими конями погонишься, ни одного оседлать не сумеешь? Может, простой мореход и не сумеет, но только команде «Сокола» все по зубам. И кладовые набить, и тайну острова-невидимки раскрыть!

Садко на мгновение поджал губы, делая вид, что размышляет, но Милослав, хорошо знавший капитана, двинул руль за миг до того, как услышал команду:

— Вперед! Держим курс на туман, идем по карте!

* * *

Споры Радята любил. Особенно когда знал, что прав. Запасы и впрямь подходили к концу, и если о жизни и смерти речи не было — при достатке пресной воды и на рыбе да сухарях вполне протянули бы до Ольши, — то вкусно кормить людей и диволовдов с каждым днем становилось сложнее. Раньше-то вдоль суши шли и запросто могли либо в порт завернуть, закупиться снедью, либо к берегу пристать и поохотиться. Только вот после встречи с алконостом поменяли курс, чтобы быстрее до дома добраться, и земля осталась далеко в стороне.

Уже до последней крупинки выскреб Радята сушеные травы из мешочков, но так и не решился трогать те, что на продажу брали. Их-то разорять — все равно что золотом да камнями драгоценными питаться: толку мало, а убытка много. Мяса почти не осталось, а овощи и вовсе кончились третьего дня...

Теперь ежели кого «слюна красная» одолеет, на кого кивать будут, кто оплошал?

При этой мысли Радята сокрушенно покачал головой и сжал кулаки. Нет, ему никто и слова плохого не скажет, только ведь сам себя съест, с портками и рубашкой, из-за горькой мысли — недосмотрел! Садко-то лихой, порой кажется, что капитан и во все всякими пустяками навроде еды голову себе не забивает, на все один ответ — «прорвемся». Однако у повара свое разумение на этот счет имелось, потому он и принял сторону Милослава в споре. Ежели там, за туманами, и вправду остров, то нельзя его пропускать.

Правда, убежденность в собственной правоте скоро испарилась.

Еще бы! Каково это видеть, как идет «Сокол» носом прямо в серую мглу, туда, где слышен шум бьющих о камни волн! Вздрагивать от толчков и скрипов... Нет-нет, Радята не боялся вовсе... Капитан, гордо утвердившийся на носу корабля, одним своим видом придавал уверенности всей команде. Но кашевар все крепче держался за борт, пальцы сжимал так, что не чувствовал их и лишь приговаривал про себя: «Соколик», «Соколик», миленький... Ну-ну-ну... Тихо-потихоньку...» Как скакуну норовистому.

ИСКУШЕНИЕ

А туман сгущался все сильнее. Растворился в клубящемся мареве капитан на носу, вот уже и другого борта не видать, а еще мгновение — и мачта с парусом исчезла. Будто кто-то медленно стирал корабль из бытия. Глуше стали пение волн под килем и скрип снастей, зато появились другие звуки — тревожные, тоскливые, опасные... Потрескивания да пощелкивания, плески да шуршания. Тихий свист, стоны и шепотки. Словно укутавшись стылой завесой, сонм тайных врагов окружил корабль. И того и гляди хлынут на палубу... кто? Чудовища с громадными щупальцами? Души-непритомники, в тумане заблудившиеся? Или просто... Радята похолодел и еще крепче в борт вцепился. Что, если волшебба внимание кормчего отвлекает, дурманит и путает? Чтобы не заметил в тумане острую скалу... а та вспорет брюхо кораблю, словно рыбе, распотрошит на поживу тварям морским... Будь Радята капитаном, немедля повернул бы назад. Но он был простым поваром.

У бортов зашумело-зашипело: «Сокол» встал на волну, взлетел высоко... и плавно ухнул вниз, а потом выровнялся и продолжил ход, покачиваясь. Кашевар выдохнул: похоже, только что миновали те самые «камни да скалы коралловые», о которых говорил Нума, но облегчения это не принесло. Туман густел, мир вокруг сжимался, становился все глуше, вот уже и собственной руки не разглядеть. Словно завернули «Сокола» вместе с командой в громадное одеяло пуховое. А выбраться из него... получится ли?

Но потом в глаза вдруг ударило солнце, ярко и радостно заплясало лучами по палубе и парусу. Повар прищурился, заулыбался и даже чуть-чуть ослабил хватку. Волны перестали бить в борта, волнение вмиг улеглось, и туман остался позади, за кормой — он все так же клубился и пугал, но минувшего нет смысла бояться, а потому Радята облегченно выдохнул.

— Как же так... — протянул Нума и потер глаза кулаками. Сплюнул досадливо. Первый раз в жизни зрение подвело его. Да как сильно...

Впереди по курсу, совсем недалеко, вздымался из воды остров. Буйная зелень, цветущие деревья у самой воды, гигантские пальмы и песчаные отмели... а в самом центре его устремляясь к небу поросшая лесом высокая гора, верхушка которой сверкала и пе-

реливалась под солнцем так, что глаз резало. Радята чуть в ладоши не захопал от восторга, и его радость разделяла вся команда.

Да на таком плодородном острове не только охота удачной будет! Фруктами запастись можно, снова шербет готовить по вечерам, и будут твердить матросы: «Ай да Радята! Не кашевар простой, а волшебник! Почисти Витослава!»

Из сладостных мечтаний вырвал его голос кормчего:

— Не торопись, родимый... — говорил Милослав «Соколу». — Вот так, бочком, вдоль острова.

Садко по-прежнему стоял на носу, заложив руки за спину и рассматривая незнакомые берега. Потом резко обернулся, сбегал вниз на палубу и направился к корме, на ходу раздавая указания:

— Нума — в «гнездо», следи, чтобы камней впереди не было! Вода тут чистая, с высоты видно будет. Полуд — вооружай ребят, высаживаться будем. Ждан, водичем давай, иди к носу, хватай «узловую». Милослав! Правь вот к тому берегу, видишь, где с двух сторон валуны?

Нума мигом взлетел на мачту, Полуд заторопился в оружейную, Ждан помчался на нос, а кормчий налег на руль, направляя корабль к указанному капитаном месту. Был тот берег небольшим, стиснутым меж двумя скоплениями округлых гранитных валунов. Место хорошее, похожее на бухту, каменные мысы с обеих сторон далеко в воду уходили — надежно корабль укроют.

Ждан, схвативший мерную веревку с грузом на конце, которую на «Соколе» называли «узловой», уже кинул ее в воду и кричал с носа, докладывая о глубине. Нума сверху сообщал, что камней подводных не наблюдает. Осторожничал Садко, ведь чудо-корабль сам дорожку выбирал, знал, как брюхо о камни не расцарапать, и, если направляли бы его в опасные воды, заупрямился бы, не пошел. Бывало уже такое. Отчего же капитан вдруг заволновался? Неужели чувствует угрозу? На приближающийся берег с пышными изумрудными зарослями встревожившийся Радята начал смотреть с опаской.

Прошелестели над головой крылья — это алконост Аля полетела с носа к Садко, а тот вдруг упер кулаки в бока и начал по сто-

ИСКУШЕНИЕ

ронам оглядываться. Шептал себе под нос что-то, будто команду пересчитывал. Тут Радята понял, что ему срочно нужно в трюм. Ну, чтобы понять, сколько свободных бочек есть, сколько мешков для дичи готовить. Там, внизу, он полезнее будет. А если Садко решает, кого с собой на сушу брать, так Радята там не пригодится вовсе...

Он быстро отпустил борт и скользнул по палубе, почти ушел уже, но...

— Радята! — оклик Садко будто пригвоздил кашевара к месту.

— Так я это... закуски готовить пора! Остров островом, а брюху на тот остров — тьфу!

Садко улыбнулся, будто насквозь видел. Спустился, подошел к Радяте поближе и тихо заговорил:

— Так сделаем. Почти всех с собой заберу, вместе веселее, да и мало ли кто там встретится в чащобе. За старшего на корабле ты будешь. Еще Ждан останется, пара ловких рук и пара зорких глаз тебе в помощь. Ну а Мель пусть в трюме сидит, по жаре ему бродить, бедняге, не след — жабры спекутся. Алю тоже с собой не возьму, дам ей задание за кораблем присматривать. Пусть птички наши друг о друге заботятся. Витослав тоже не пойдет. И тебе спокойнее, и Алю он поймет, ежели что.

— А что ж тогда не Витослава за старшего? — спросил Радята и тут же язык прикусил. Вот так, сам ждешь похвалы и греешься ею, как огоньком теплым, а тут что? Ответственности испугался?

Садко хлопнул повара по плечу.

— Витослав молод еще, нам сейчас нужны твои года да врожденная осторожность. Ты корабль сбережешь, а это главное. Верю в тебя!

Радята не стерпел, приосанился. Не зря, ох не зря в споре поучаствовал! Не подведет теперь капитана, охранит «Соколика»!

* * *

— Очень нам, Садко, птички твоей здесь не хватает, — Полуд вытер пот со лба и шелчком скинул многоножку, которая только-только примерилась цапнуть его за руку. — Песню бы чудесную спела. А то больно тихо вокруг.

Садко часто не понимал шуток соратника, но на всякий случай хмыкнул, потому как Подуд определенно скоморошничал. В причудливом лесу было шумно. Да так, что и словом спокойным не перемолвишься, перекрикиваться приходилось. Под ногами хлюпало, наверху стволы и лианы терлись друг о друга и трещали, в кронах деревьев голосили птицы и визгливо переругивались обезьяны. Жила чаша громкой, яркой и суетливой жизнью. После морской тишины, что в последние недели нарушалась лишь посвистом ветра, плеском волн и скрипом снастей, тут приходилось нелегко. Мало того, что и жарко, и душно, и сквозь сочную зелень просто так не пройдешь — дорогу прорубать приходилось, — так еще и писклявый визг здешних обитателей по ушам бил плетью. Что и говорить, только Али тут и не хватало... Нет уж, пусть дивоптица за «Соколом» присматривает, помогает Радяте.

Прихлопнув очередного наглого комара, Садко быстро оглядел команду. Хуже всех приходилось Бану — суровый северянин от южных земель и так был не в восторге, а тут, в этой душной парнóй, обливался потом и мычал ругательства в бороду, то и дело спотыкаясь о корни. Но не ныл, упрямо шел вперед. Не ворчали и остальные, продолжая поход по непривычному влажному лесу. Здесь только Руф с Нумой чувствовали себя как дома. Псоглавец мерно вышагивал, время от времени принюхивался и дергал ушами, отгоняя насекомых. Индеец же и вовсе получал искреннее удовольствие — ловко перепрыгивал с ветки на ветку, то и дело пропадая где-то в вышине. Потом спускался, указывал направление, а Новик расчищал дорогу отряду, ловко воюя с плотно переплетенными кустами и лианами в руку толщиной. Рослый и сильный новеградец лучше всех в команде владел топором и мачете, потому и шел впереди.

Направлялся отряд к горе: перво-наперво надо было подняться повыше и осмотреться как следует, а охота подождет. Добычей заняться лучше на обратном пути. Да и чуял Садко нутром, что именно там, на вершине, и кроется загадка таинственного острова. То, что имеется здесь некая тайна, — новеградец не сомневался. Станный туман, блестящая гора — диво дивное, невиданное! Вот и надо посмотреть, разобраться, чтоб потом

ИСКУШЕНИЕ

в порту о своих приключениях другим рассказать, а то и песнь сочинить. И чем дальше они заходили в лес, тем тверже становилось капитанское решение: не повернем назад, пока не выясним, что это за чудное место такое.

Несмотря на тяготы пути, команда умудрялась строить догадки, что может так сверкать. Кавкасиец Абахай утверждал, что это хрусталь, мол, видел он такие горы, когда на север Руси ходил, — они так же на солнце пылают. Каратан утверждал, что это золото и они теперь все разбогатеют, только нужно киклопа одолеть, который наверняка это золото стережет. Милослав же бурчал, что на поверхность обычное железо вылезло, а светится с того, что непогодой отшлифовано.

Еще бы немного, и снова об заклад биться начали, но тут Нума громко засвистел, и все замерли на месте. Ванара обернулся, поглядел на капитана с вопросом, беззвучно спрашивая разрешения. Садко понял индейнина с лету, чуть кивнул головой: иди, мол, разведай! Нума тут же исчез, будто растворился в яркой листве, а остальным только и осталось, что отмахиваться от насекомых и внимательно по сторонам поглядывать — не подкрадывается ли зверь или гад ползучий. Время текло медленно-медленно, как ленивый ручеек.

Наконец Нума вернулся.

— Впереди стена. За ней — сад огромный, а за садом — большой терем. Обходить будем долго.

— Зачем обходить? — слова сорвались с языка Садко еще до того, как он успел увериться в мысли: надо за забор пробраться... в гости заглянуть! — Наведаемся к тому, кто в теремочке живет, вызнаем, что тут да как.

За спиной шумно вздохнул Милослав, но отговаривать не стал, почуял, что капитан уже все решил. Да и с чего отговаривать? Выходит, остров не дикий, а раз люди тут все-таки живут, надо зайти, познакомиться. Главное, чтоб не какой-нибудь чародей-злонрав...

— Высока стена, а, Нума?

Ванара фыркнул:

— Для меня — нет. Для остальных... Я сразу подумал, что ты, капитан, внутрь заглянуть захочешь, потому вдоль стены пробежался и ворота отыскал. Закрыты они, правда...

— Ну так мы громко постучим, — улыбнулся Садко, утирая пот, струившийся из-под суконной шапки.

Еще один бросок сквозь самые густые и колючие заросли, и перед мореходами выросла белая стена. Сложена она была из ровных отполированных камней, а кладка такая аккуратная, что ни зазора, ни трещинки — лезвие ножа не найдешь, куда сунуть. Меж стеной и лесом тянулась полоса почти голой земли. Видно было, что здесь усердно и с тщанием корчевали и рубили заросли, когда те пытались подобраться поближе.

— Это ж сколько сил вложено, — проговорил Новик. — Чтобы здешняя зелень отступила, каждую неделю ее укрощать надобно, не реже.

До того как стать корабельным пехотинцем, он помогал отцу рубить деревья под Новеградом, так что знал, о чем говорил. Услышав его слова, Полул проверил оружие в ножнах и сделал знак своим воякам, чтобы смотрели в оба:

— Остережемся, братцы. Должно быть, много там за стеной народу обретается.

Садко кивнул и пошел влево, ведя кончиками пальцев по гладкому, странно холодному камню. Сверху, по кромке стены, запрыгнув туда с ближайшего дерева, пробирался Нума — поглядывал в сад, пытаясь разглядеть хоть кого-то, но то и дело оборачивался и покачивал головой. Нет, никто не спешил встречать незваных гостей.

Сверху вдруг что-то пискнуло, раздался глухой удар, и наземь рухнула яркая птица, а следом за ней, медленно кружась, опали пух и перышки. Каратан склонился над смятым тельцем и покачал головой — пичужка была мертва. Все задрали головы, не понимая, что случилось.

— Об ствол она, что ли? — недоуменно произнес Новик, указывая на высокое дерево, что росло за стеной.

— Ай, — с сомнением протянул Абахай. — Далековато. Может, ястреб сбил?

— Не видать тут ястребов, да и не бросил бы охотник добычу, — возразил Милослав.

— Колдунство это, — заявил Каратан, доставая из-за пазухи свой оберег и проводя по нему пальцами. — Кругом колдунство!

ИСКУШЕНИЕ

Садко было жалко птичку, но команде долго чесать языками, обсуждая странное происшествие, он не дал. Тут имелись загадки полюбопытней, ими и следовало заняться.

Впереди наконец-то показались ворота из темного дерева, глубоко утопленные в белоснежную арку. На каждой из украшенных узорчатой резьбой створок поблескивало толстое золотистое кольцо. Оно и к лучшему: не придется кулаки сбивать, чтобы громко постучать. Однако не успел Садко протянуть руку, как створка ворот скрипнула и приоткрылась. Капитан тут же шагнул в сторону и команде махнул — будьте готовы, никак, засада! Однако Нума как стоял во весь рост на виду, так и остался. Из-под ладони еще раз медленно оглядел окрестности и крикнул:

— Все тихо, капитан! Нет тут никого!

— Кто ж нам тогда ворота открыл?

Нума молча развел руками: не знаю, мол. Потом взял — и спрыгнул в сад. Толкнул деревянную створку и выглянул наружу сквозь расширяющуюся щель:

— И близко людей нет. Не видно и не слышно. А засов, на который раньше ворота заперты были, в сторону сдвинул.

— Колдунство! — вновь подал голос Каратан.

Садко задумчиво огладил бородку, разглядывая двери. Всё так, не иначе волшебство. Значит, и в самом деле за стеной чародей живет, и каков его нрав — неведомо. Добрый волшебник вряд ли бы стал от людей за туманом хорониться да и ворота отворять, самолично не встречая. Слишком уж это походило на ловушку. Заходите, мол, гости дорогие, только голову суньте в мое логово... А уж потом поглядим, сумеете ли ноги унести.

Но если положить руку на сердце: можно ли от такого приглашения отказаться? Кабы у «Соколика» капитан и команда осторожными были, так они вовсе мимо бы прошли, не стали бы сквозь завесу волшебную к острову пробиваться. Что ж теперь, обратно поворачивать? Пару стрел выпустить, уток подстрелить на жаркое и на корабль? Каратан бы обрадовался, конечно. Он, как и Милослав, волшебство не сильно жаловал, и были у него на то причины. Но поворачивать назад нельзя!

— Заходим в сад, — решился Садко и положил ладонь на рукоять палаша. — Держимся вместе, смотрим в оба. Нума, ступай вперед, только из виду не пропадай.

Мореходы осторожно прошли сквозь арку и на мгновение застыли. Ни у одного богатея, ни у одного царя или раджи не видал Садко такого чудесного сада.

Дорожки, выложенные по краям плитками из разноцветного мрамора, были усыпаны мельчайшим золотистым песком, что мерцал и переливался радугой на солнце. Вдоль аллей тут и там возвышались на постаментах статуи из белого камня. Рука у вытесавшего их ваятеля была чрезвычайно искусна: казалось, через мгновение статуи задышат и заговорят. Едва взглянув на них, Садко не мог отделаться от ощущения, что статуи живые и лишь на миг притворились недвижимыми. Широкоплечие воины со смелыми и мужественными лицами, прекрасные юноши-виночерпии, пухлогубые девы с каменными виноградными гроздьями... А как ловко и бронзу к камню приладили! Воины — с мечами да копьями бронзовыми, а едва прикрытые накидками девицы в руках кувшины да блюда держат. Красота!

Тропки то разбегались в стороны, то сходились, рисуя на земле причудливый восточный узор. Под сенью деревьев прятались скамейки с шелковыми подушками, а рядом с ними тоненько журчали питьевые фонтанчики с чистой, как слеза, водой. Шумели и струи больших каскадов, затейливыми водопадами падая с яруса на ярус, омывая каменных рыб и ящериц, расцветчивая тускло мерцающие агаты и опалы в драгоценной чешуе изваяний.

Над землей парили подвесные клумбы — и не заметишь сразу, что островки цветущих орхидей и гибискуса держат в воздухе тонкие нити. С великой любовью ухаживали садовники за растениями: ни одного листочка сухого, ни веточки сломанной, ни бутона увядшего. Рядом с цветами покачивались на ветру полые серебристые палочки и кусочки хрусталя, и над землею плыл нежный перезвон.

По дорожкам бродили большие откормленные павлины и цесарки. Птицы ничуть не боялись, наоборот — бесстрашно подбегали совсем близко, словно подачки ждали. В клетках, подвешенных то тут, то там на ветвях деревьев, распевали кенари.

ИСКУШЕНИЕ

А людей — никого. Ни одной живой души.

Аллея тем временем вывела к широкой мраморной лестнице с высокими резными перилами.

— Семь десятков ступеней и еще пять! — провозгласил Милослав, когда они поднялись наверх. Любил кормчий все отмеривать да обсчитывать, не терпел прикидок на глаз да на авось. Но Садко ступени не волновали.

— Вот тебе и теремок, — протянул он, снимая шапку и проводя рукой по густым волосам.

То, что Нума назвал «теремом», на деле оказалось настоящим дворцом. Был он низким, приземистым, крутобоким, словно несколько круглых хлебов разом достали из печи. Блестели на солнце белые стены, украшенные искусной резьбой; сияли золотистые купола, но не такие, как на Руси, а чуть скругленные, будто яйца на подставках. Вместо привычных флюгеров над ними на длинных лентах плясали яркие воздушные змеи, полоща хвосты по ветру.

Далеко за дворцом устремлялась ввысь подернутая прозрачной дымкой загадочная гора, по-прежнему сверкающая на солнце, что твой маяк.

— Как поступим, ежели и там никого не встретим? — тихоно, но отчетливо, чтобы Садко расслышал, проговорил Полуд. — Станем хозяев искать? Или повернем от беды подальше?

Нет, решительно его не поймешь. То во время плавания страдает по ратным подвигам, то на ровном месте осторожность выказывает. Впрочем, одно другому не мешает. Полуд только шутит странно, а вот в военном деле опыта у него больше всех.

— Там видно будет. Главное, держи ухо востро, — Садко решительно нахлобучил шапку и направился к дворцовому крыльцу.

Внутренний голос капитана пока молчал, не кричал об опасности, не призывал спастись от неведомой угрозы. Не было в саду волшбы черной, не пахло силой нечистой. И сколько мест, для засады годных, по дороге сюда они прошли — ни одним не воспользовались тайные враги. Так, может, и не враги они вовсе?

Почему-то уверен был Садко, что и двери во дворец будут открыты, — так и оказалось. Зашли мореходы в светлый зал с боль-

шими окнами от пола до потолка и замерли на пороге, раскрыв рты от восхищения. Зал был украшен богато — и картинами на стенах, и занавесями тяжелыми, шитыми золотой парчой и бисером. Под ногами блеснул каменный пол, сложенный из цветных плит, будто гигантская мозаика, а посреди зала журчал еще один высокий, ярусный фонтан. В большой нижней купели плавали лепестки роз и плескались разноцветные карпы.

— Богатства-то какие, — не выдержал Новик.

— Да уж, сколько по морям ходил, такого не видал, — согласился Полуд.

— Ой вы гости дорогие! — вдруг раздался голос, эхом покотившийся под высокими сводами. Садко завертел головой из стороны в сторону, но понять, кто и откуда говорит, не смог. — Вы скажите, кто такие? С каким ветром подружились? Накормить ли вас, приветить? И какие вести в свете?..

Речь была русской, а голос — напевным и бархатистым, радужным, обстоятельным. Слова звучали твердо и уверенно, становилось от них тепло и хорошо, в родной дом явился или к другу, с которым много лет не видались. Будто жаркий огонь в душе разгорался, словно ты долго ходил по морям, скитался и нигде пристанища не знал и наконец причалил к желанному берегу. А тут и обладатель чудного голоса появился, вышел из-за фонтана и улыбнулся, сложив ладони на большом круглом животе.

Был хозяин дворца — вне всяких сомнений, именно он, уж больно по-боярски держался! — высоким пухляком с легкой сединой в иссиня-черной бороде. Толстяком такого не назвать — роста немало, плечи широкие, ладони большие, пальцы крепкие, а лицо — улыбающееся и щекастое, но при этом узкое. Если когда-то этот человек и знал, что такое труд, то последние годы явно проводил время на мягких подушках, наслаждаясь праздностью, — оброс жирком и раздобрел. Носил он расшитый золотом красный кафтан с длинными полами на восточный манер, шелковые штаны, сафьяновые сапожки и множество украшений. Разноцветные побрякушки болтались и на браслетах, и на дорогом наборном поясе, но больше всего в глаза бросался драгоценный оберег на шее — серебристый месяц с широко раскрытым ртом

ИСКУШЕНИЕ

и крупным самоцветным глазом. Говорил пухляк по-русски чисто, но в говоре нет-нет да проскакивали непривычные звуки.

Садко неспешно стянул с головы шапку, прижал ее к груди, учтиво поклонился:

— Спасибо тебе за встречу, хозяин радушный! Не гневайся, что сразу весточку не прислали тебе, как причалили... Впервые мы на этих берегах, порядков местных не знаем, имени твоего не ведаем. Лично решили почтение выказать, о себе объявить.

— Товитом меня люди зовут, и ты зови, — улыбнулся хозяин, его большие, близко посаженные глаза смотрели ласково. — Не знал я отца своего, а потому и по батюшке меня величать не надо. Владелец я острова этого. А тебя как звать, мореход?

— Садко Новеградский. Еще моряки со мною... — про вояк решил молчать пока, хотя, без сомнения, оружие пухляк уже приметил, — ...из тех, что решились на берег с корабля сойти.

Товит еще шире заулыбался, а его взгляд на мгновение задержался сначала на Руфе, потом на Нуме, однако никакого удивления при виде диволоудов он не выказал, лишь полюбопытствовал:

— Не пообтесал ли бока корабль твой, пока к острову подбирался? Как над отмелями да прибором злым проскочил?

— Птицей, — усмехнулся Садко. — Птицей перелетел. На гребне волны прошли, на удачу да ловкость кормчего понадеялись.

— Выходит, легонек корабль твой да мал?

Новеградец ответил, не моргнув глазом:

— Верно, хозяин. Матросов три дюжины всего, рук не хватает, в торговом порту двое сбежали, лучшей жизни искать. Ну да что сетовать, попутный-то ветер нам даровал путь к тебе, а о них и не знаю ничего.

Говорить странному незнакомцу всю правду Садко не собирався, а его люди хорошо знали — если капитан вдруг начинает лукавить, нужно поддакивать и кивать, ни в коем случае не возражать!

— Ветер, говоришь? — Товит чуть склонил набок голову. Кажется, взвешивал каждое слово собеседника и в сторону шелчком отбрасывал. Мол, легковесное все слишком, недостает правды.

Но Садко умел врать. И считал, что раз уж начал, на полдороге останавливаться и бессмысленно, и опасно.

— Да не ветер, ураган настоящий! Подхватил корабль наш да в туман повел, на скалы. Испугались мы. С жизнью уже распрощались. Ты уж не обессудь, Товит-хозяин, что глазами по сторонам с открытыми ртами... помирать ведь собирались. А тут чудо такое! На картах-то острова твоего нет, а туман миновали... глянь! А вот же он!

— И в самом деле, чу-удо! — протянул хозяин дворца.

Садко широко улыбнулся, настороженно прислушиваясь к своему внезапно проснувшемуся чутью. Билась в висок, жужжала, беспокоила мысль какая-то, металась, словно комар надоедливый. Чудилось что-то знакомое в голосе хозяина, похожее на волшебство, что таилось в песнях самого капитана. Как там говорят? Слово не стрела, а сердце сквозит. Им и поработить, и убить, и вдохновить, и надеждой одарить можно. Тряхнул головой Садко, попытался поймать шальную мысль за хвост, но тут хозяин чудесного дворца снова заговорил — быстро, будто заученные слова произносил, — и сомнения вмиг развеялись:

— Ну, чтоб на чудеса глазеть приятнее было, надобно вам подкрепиться. Хлеб-соль поделим по-братски!

Прошагал к светлой арке, пальцем поманил — идите, мол, следом, и повел гостей широкой галереей. По левую руку, на стене, отделанной плитами из белого и розового камня, вырезаны были сцены охоты на диковинных тварей. Одни походили на южных птиц и зверей, которых видала уже команда «Сокола» в путешествиях. Иные же и вовсе чудно выглядели: кошки с гигантскими гривами и скорпионьими хвостами, кони о восьми ногах, приземистые зубастые то ли змеи, то ли ящеры, бескрылые шерстистые птицы с громадными клювами и раздвоенными языками... А по правую руку чередовались бесчисленные ниши со статуями и огромные витражные окна, выходящие в сад. Солнце падало на пол галереи разноцветными квадратами, искорками и солнечными зайчиками прыгало по подоконникам и стенам. Было здесь так светло и ярко, что на миг показалось Садко, будто идут они внутри гигантского драгоценного камня.

ИСКУШЕНИЕ

Но наслаждаться окружающей красотой не давала упорно лезущая в голову мысль — где же слуги? За подобным хозяйством сотни людей должны присматривать, ведь все здесь так чисто и красиво — пыли и той не видать! Да и гостей прислуга должна была привечать, а тут вот тебе раз — хозяин сам встретил, сам провожает... Он что же, и за садом тоже ухаживает, и горшки ночные выносит? Что за странность такая? Или хозяин — и есть чародей?..

Товит тем временем распахнул двустворчатые двери в обеденную залу, и гости не сумели сдержать восторга, зашумели, зацокали языками, а Руф даже тьявкнул. Прямо перед ними красовался низкий деревянный стол, по бокам которого на полу лежали расшитые шелком и стеклярусом подушки, пышные да мягкие — так и манили присесть. Ждали гостей отполированные до блеска медные тарелки, блюда с сочными кистями винограда, наливными яблоками и темными, как ночь, спелыми сливами, кувшины с вином и шербетом. Дразнили манящим запахом каравая свежеспеченного хлеба, исходили соком нежно-розовые куски жареного мяса, обложенные свежей зеленью, а под столом прятались блюда с дольками лимона и пиалы с водой для омовения рук.

И кто же все это богатство приготовил? Тоже сам Товит? Сомнений у Садко больше не осталось: их гостеприимный хозяин — чародей. Каратан был прав, кругом колдунство. Эх, зря Витослава с собой не взяли, он в делах волшебных куда лучше разбирается.

— Поразил ты меня, Товит, — признался Садко, запустив пальцы в бороду. Чуть подергал ее, проверяя, уж не сон ли снится, не морок ли перед ним. Уж больно роскошной и изобильной казалась трапеза. — Будто не гостей нечаянных, а дорогих друзей привечаешь. Будто ждал нас...

Пухляк усмехнулся и тяжело опустился на подушки во главе стола.

— Нечасто гости ко мне заглядывают. Нелегко сюда добраться. Как завеса туманная мои земли от остального мира скрыла, с тех пор тоскую. Соскучился по байкам да сказам о дальних странах

и чудесах. Коли расскажете о дороге, что вела вас сюда, уважите меня сверх меры. Ведь ни одно яство для насыщения брюха не сравнится со словами, которые ум питают.

Крякнув, уселся Полул и потянулся за куропаткой, запеченной в меду. Напротив него устроился Милослав, плеснул себе ледяного шербета и жадно осушил стакан одним долгим глотком. Нума цапнул с серебряного блюда огненно-красный персик с два кулака величиной и присел на краешек подоконника, с жадным любопытством поглядывая по сторонам. Новик, зажмурившись от блаженства, уже вгрызлся в толстый кусок мяса, и розоватый сок стекал с его подбородка прямо на колени. Даже Каратан позабыл о своем обереге, уплетая сласти за обе щеки. Расселись все, мигом набросившись на приготовленные гостеприимным хозяином яства и напитки. Тяжелый переход по чаще остался позади, теперь и дух перевести можно, и подкрепиться!

Садко подошел к столу последним. Опять забила в голове досадная, странная, неуместная сейчас мысль... Ранее никогда команда не садилась трапезничать, не дождавшись капитана. Пусть после тяжелой дороги каждый был мучим голодом и жаждой, устал и мечтал наконец дать отдых усталым ногам, но...

Звучный голос Товита прервал тревожные размышления:

— А Расскажи мне, Садко Новеградский, чем живешь?

— Гость я торговый, любезный хозяин.

Брови Товита вздернулись:

— Купец? Вот славно. Сам я тоже в свое время торговыми делами занимался... — он осекся, глянув на собравшихся за столом, и тут же снова заулыбался: — Пирожков отведайте с печенью цесарки, друзья-купцы. А вот еще лакомства медовые с орехами да зефир сливочный на любой вкус: сладкий, как мед, кислый, как ягоды, и соленый, будто кумыс. В море небось так не разгуляешься... Ешьте да поправляйте здоровье, гости дорогие.

Тут распахнулись двери из металла ажурнойковки, ведущие в сад, и на пороге появилась девушка в богато украшенном платье. Юбка переливалась и шелестела, будто сшита была из листов чистого золота, блестящий шелк мягко облегал руки и полную грудь, на осиной талии — поясок серебристый, а шею охватывало

ИСКУШЕНИЕ

ожерелье — из тех, что не стыдно и княжеской дочери носить. Белое круглое лицо, курносый носик, губы темно-красные, как спелые вишни, горящие щеки — незнакомка была сказочно хороша. За спиной госпожи, покорно опустив головы, семенили две служанки — на хозяина и гостей они так и не решились взглянуть.

Выходит, не один тут Товит живет! Только при виде вошедших отчего-то сползла с лица хозяина улыбка, и на девушку он глянул недовольно, будто отвлекает она его от важных дел. Садко же, глядя на красавицу, аж не донес до рта отломленной кусок пышной лепешки.

— Это дочь моя, Арвела, — суховато произнес хозяин острова, оглаживая бороду.

— Не знала, что гости к нам пожаловали, — девушка нетопливо оглядела мореходов.

Как и отец, говорила она по-русски с едва заметным причудливым говором. Любопытно все же — откуда они язык знают? Часто дела с Русью вели? А может, сами в Славию плавали, раз Товит когда-то купечествовал, — там и выучились?

— Садись с нами, милая, — хозяин указал дочери на место напротив Садко, — послушай сказы чужестранцев, раздели с ними хлеб-соль.

Слова ласковые, а сказаны по-прежнему сухо, только внимание Садко на это особо не обратил, его больше занимала красавица Арвела. Та устроилась на подушках и, бросив на капитана осторожный ответный взгляд, тут же опустила глаза. Взяла в руки краюшку хлеба и начала отщипывать от нее по кусочку, словно не хозяйская дочка, а птичка, ворующая крошки со стола.

— Поведай-ка, Милослав, как мы шлюпку рыбачью от шторма спасали, — велел Садко, не спуская взгляда с девушки.

Лучше уж самому историю выбрать, чем переживать, не сболтнет ли кто лишнего. История с рыбаками случилась давным-давно, в другой жизни, когда еще ходил Садко во главе большого купеческого флота. Тут и подвиг, и стихия буйная, и есть чем похвастать. А про «Сокола» лучше помалкивать, потому как настойчивые расспросы Товита о корабле настораживают...

Сам же Садко не забывал внимательно по сторонам посма-
тривать: подмечал и тревожную улыбку Арвелы, и застывших
неподалеку служанок со взглядами в пол, думал: что на самом
деле прячет за душой Товит? Хозяин не выглядел угрожающе,
вел себя радушно... Отчего же нет-нет да шевелилась в груди
смутная тревога? Не от крепнувшей ли уверенности, что владелец
острова — чародей?

Рассказ Милослава Товит слушал внимательно, цедил красное
вино, похохатывал, ухмылялся и прямо-таки источал радость
и довольство. Дослушал историю, в ладоши похлопал, стукнул
себя по колену — эк, мол, повеселил сказитель, закинул в рот
большую виноградину и поднялся.

— Что ж, Садко Новеградский, давай-ка пройдемся? Дело
у меня к тебе есть, обсудить надобно, — сказал и улыбнулся,
хитро-хитро.

Когда неведомый чародей тебя зовет на беседу с глазу на
глаз, лучше бежать куда подальше. Да только куда тут сбежишь?
И точно ли Товит волшебной владеет? Все же не походил он на
чародея, у тех взгляд обычно тяжелый, то ли мудрый... то ли
усталый. А у этого — с хитринкой, как у многих знакомых куп-
цов. Тут владелец острова не соврал, торговлей он наверняка про-
мышлял. Так, может, пустая напраслина в голову капитану влезла,
а на самом деле Товит просто сменил купечество на домашнее
хозяйство, сам деятельный, за всем следит, всюду поспеваает? И за-
весу туманную кто-то другой вокруг острова поставил... или сама
выросла. Чего только в мире не творится?

Как бы то ни было, делать нечего, раз зовут — надо идти.
Что-то щедрому пухляку понадобилось. «Вот теперь и узнаю
истинную цену твоему гостеприимству», — подумал Садко, на-
правляясь следом за Товитом в соседнюю залу. И прав оказался.

— Нечасто друзья ко мне в гости заглядывают, — начал черно-
бородый издаലെка, неспешно вышагивая рядом, и голос его лился
медом. — По-над скалами по бурному морю не находишься. Так
бы их о помощи попросил... А придется тебя просить, капитан.

— Ты, хозяин, нас накормил, напоил да приветил, — чуть
склонил голову Садко. — Как не помочь? Рассказывай.

ИСКУШЕНИЕ

— На богатства кругом глядя, ты небось вопросами задаешься — откуда это все? — пронизательно сверкнул глазами Товит. — Отвечу я на все твои вопросы, да чуть позже, коли позволишь. История моя долгая, а помощь мне нужна скорая. Недалече от дворца гора есть. Да ты, поди, видал ее — горит на солнце и слепит, будто пламя.

— Правда твоя, — согласился Садко, глядя в окно, возле которого они наконец остановились: из него как раз открывался вид на один из склонов горы. — Видал. Сложно ее не приметить.

— Да уж. В былые годы я сам на нее взбирался, — Товит говорил и внимательно, цепко всматривался в лицо капитана, будто искал там... чего? Согласия? Подтверждения, что Садко верит ему? Но с чего бы не верить? — Тропинка, что ведет к вершине, в скалах выдолблена — хороша и надежна, только вот беда, в тупик упирается. Надо по отвесной скале взбираться, по веревке, да следить внимательно, куда ногу ставить, иначе сорваться можно. Стал я для этого стар да грузен, сам видишь. Дочку не пошлешь, она во дворце росла, изнежена, в горы не ходила, да и сил ей не хватит. Так что тебя попрошу, капитан, подсобить в деле этом: принести с горы пару камней. До конца тропы я тебя провожу, с веревкой подстрахую, лучший путь наверх укажу...

— А что ж в камнях тех ценного, что никак не обойтись без них?

Вместо ответа хозяин острова расхохотался. Так сильно и громко, что запрыгал смех по зале, а эхо заметалось между стенами, дробя и множа отзвуки, будто сам дворец вторил хозяину. Товит утер выступившие слезы и проговорил:

— Сам увидишь. Сам поймешь. Нет на всем белом свете человека такого, кто мог бы противостоять голосу тех камней... Коли поможешь, позволю и тебе с собой взять, сколько унесешь. Клянусь, ни на миг не пожалеешь, что судьба привела корабль твой к этим берегам.

Садко задумался.

— А что же слуг не попросишь о помощи?

— Да ты шутишь, не иначе! — всплеснул руками Товит. — Ужель не видел, что слуг у меня раз-два и обчелся? Две девки

у Арвелы в услужении да нянька старая, держу их, чтобы дочка не заскучала. Она-то света белого не видывала, дни напролет книжки читает да мечтает о своем, о девичьем. Ах да, и чернавка-повариха на кухне у меня, работающая, ловкая, одна со всем справляется, вон какой пир для дорогих гостей закатаила. Больше и нет у меня слуг. Не терплю чужих в доме... Сам, все сам.

«Прям все? И горшки?» — хотел спросить Садко, но не стал. Сказал вместо этого:

— Давай-ка я матроса Нуму с собой возьму. Проворен индеец да силен, прыгать горазд...

Товит покачал головой, сказал ласково:

— Не пойдет, друг дорогой. Я, как и ты, купцом был, знаю цену тайнам. Ты — капитан, а значит, слово держать умеешь, вот тебе доверюсь, а прочим — не проси. Не хочу, чтобы потом моряки да вояки языками трепали о моей горе в кабаках портовых. Мы с тобой и вдвоем справимся. Ты — моряк, ловкий да сильный, а я места здешние знаю, научу, как до вершины добраться. И людей твоих я уважу, не сомневайся. Пусть наслаются твердой землей: открою для них купальни мраморные, освежатся, а потом и с дороги отдохнут в гостевых покоях, на подушках с лебяжьим пухом.

Что ж, если готов хозяин острова секретом горы поделиться, так тому и быть, а команда пускай и в самом деле отдохнет. До Ольши путь неблизкий, силы понадобятся. Садко протянул Товиту руку, и тот крепко ее пожал.

* * *

Капитан напрасно осторожничал, «Сокол» снова не подвел. Чудо-корабль сам определял, как близко ему можно подходить к берегу, и в этот раз отважился выбраться аж на мелководье, зарывшись изогнутым носом в мягкий песок.

Радята навел порядок в своем царстве котелков да сковородок, разложил и закрепил утварь, подготовил холодный ларь для дичи и свежих фруктов. Всё к возвращению отряда будет готово! В мастерстве звероловов-добытчиков он не сомневался, да и Нума

ИСКУШЕНИЕ

сумеет плоды спелые с любого дерева собрать, как бы высоко они ни росли.

Сделав, что собирался, и приготовив закуски, повар, чуть поколебавшись, решился-таки на вылазку. Ждану с Витославом не терпелось по острову прогуляться, ведь земную твердь под ногами мореходу не часто ощутить доводится — а чем Радята хуже? Спустившись по веревочной лестнице, он, чуть пошатываясь, прошелся, привыкая к земле. Погонял для забавы мелких белых крабов-отшельников, что при его приближении юрко зарывались в песок. Зевая, понаблюдал за важно вышагивающей желтоногой и стройной цаплей, бродившей по линии прибоя, выискивая мелкую рыбешку. Посмотрел вслед Ждану, наострившему ноги к дальней части бухточки, где, мысом уходя в море, громоздились здоровенные, обкатанные волнами коричнево-сизые валуны. А потом последовал за Витославом, который уже успел скрыться в лесу.

Но, добравшись до границы яркой зелени, повар повгядывался в тени в глубине плотных зарослей, подумал... и пошел назад, так и не решившись сунуться в чащу. Кто его знает, какие в этой части света лешаки водятся, какой у них нрав и как они к чужакам относятся. Нет, на открытом месте лучше — все вокруг как на ладони, тихо, спокойно, комарья нет, да и «Соколики» под присмотром.

Радята уселся на песок, прислонившись к изогнутому серому стволу склонившейся над водой пальмы. Та полоскала кончики широких листьев в лазурной воде, будто кланялась — и морю, и разбросанным вокруг нее круглым гладким валунам, и цапле, что продолжала расхаживать по берегу, не обращая на людей никакого внимания. Подставив лицо солнечным лучам, Радята зажмурился от удовольствия, слушая тихий шум прибоя, чувствуя, как легкий ветерок шевелит редкие волосы.

Впервые за последние пару недель его не мучило беспокойство. Он потягивал холодную воду из фляги и, прикрыв глаза, размышлял. Эх, думал ли когда-нибудь робкий паренек, ученик кашевара из Олонца, что окажется так далеко от родных северных земель? Что увидит далекие и чудные берега, такие как этот? Что станет

частью команды лучшего во всем Белосветье морехода? И что тот поручит ему заботу о драгоценном волшебном корабле?..

Кто-то заслонил от него солнце, и Радята, не поднимая век, лишь лениво махнул рукой:

— Проголодался? На «Соколике» под бортом в теньке лежит твоя доля... Сухомятка. Зато к вечеру царский пир закатим!

Думал кашевар, что это вернувшиеся Ждан или Витослав за едой явились. Мелю-то он сразу в трюм отнес сушеное мясо с сухарями — диволуд на южном солнце обгорал до пузырей и сейчас снова мучился от жары, а потому на землю, ясное дело, не рвался. Сидел в трюме, в темноте прохладного закутка, неподалеку от бочки с пресной водой, сводил-разводил пальцы на перепончатых руках, мурлыкал что-то на своем языке... И спал там же.

Но вместо того, чтобы поблагодарить Радяту и отправиться за харчами, тень чирикнула что-то и мазнула его по лицу перьями. Повар распахнул глаза и увидел алконоста Алю, усевшуюся на гранитном камне рядом. Птица из Иномирья встревоженно глядела на человека, склонив голову, и дрожала, будто ей холодно.

— Замерзла? На таком-то солнце? — растерянно пробормотал Радята и засуетился: — Уж не заболела ли ты часом? Ох, капитан мне голову свернет... Травяного отвара тебе подогреть? Ничего, сейчас найду тебе тряпочку какую для пушего уюта...

— *Не замерзла,* — прозвенел в голове чудесный голос. Повар растерянно коснулся уха и уставился на алконоста. — *Тебя Садко главным назначил, тебя «Сокол» теперь слушается, тебе первому и скажу.*

— Что?

— *В беду Садко попал. Спасать надобно. Чувствую, неладно с ним. И с командой...*

— Да как же... — дремотное благостное настроение мигом испарилось. — Да что же... Там же воины все! А мы-то...

— *Спасать надобно,* — твердо повторила Аля. — *И нам — тоже остеречься. Плохой это остров.*

— Так что ж ты раньше молчала?

— *Нутро тоской подводило, но уверенности не было. Теперь же сердце мое когти ледяные давят. Сомнений нет, я беду учуяла. Те,*

ИСКУШЕНИЕ

кто вглубь ушли, сами не сладят. В ловушку попадут. Смерть их себе в добычу приглядела.

— Ох! — Радята вскочил, заметался туда-сюда, пытаясь понять, что делать, куда бежать. — Ждан! Витослав! Где вы? Сюда, быстрее!

— Чего шумишь? — Обаянник оказался рядом, шел от зарослей, держа в руке охапку каких-то листьев.

А Ждан, умудрившийся залезть на груду валунов с другой стороны бухты, махал рукой и что-то приветственно кричал, показывая, мол, тут я, смотрите, куда забрался! Вот шило в заднице, и какого водяного его туда понесло, по камням прыгать, когда тут такое горе?

— А ну бегом сюда! — заорал ему Радята. — Живо давай!

— Да что стряслось-то? — нетерпеливо спросил Витослав, приближаясь.

— Беда у нас, — повар тыкнул пальцем в алконоста. — Аля молвит, в ловушку Садко угодил...

Витослав свел брови, по щекам заходили желваки:

— Ежели алконост беду чует, дела и вправду плохи.

Повернулся к волшебной птице:

— Не видно ль тебе, сколько времени у нас в запасе? Успеем ли?

— *Прямо сейчас идти надобно*, — снова услышал Радята голос в голове. — *Тогда, может, и успеете...*

— Поторапливает нас! — повар заглядывался по сторонам. — Это ж оружие с собой надо... Припасы... Или что? Или как?

— Оружия вроде много, — поморщился Витослав, вспоминая. — Полуд за этим следит, не все же они с собой забрали... Сабельки имеются, щиты на бортах закреплены, три добрых копья нам точно оставили... Посмотреть надо. По следам пройти сумеем, но бежать придется, чтобы нагнать...

Радята схватился за голову. Куда ему бежать? С его-то брюхом? Выдохнется через сотню шагов, задерживать всех станет. Он же не легконогий Ждан — тот вон как мчится по песку, руками снова машет, вопит что-то. Сил девать некуда парню...

— ...гите! — донеслось издалека.

Повар с обаянником замерли, глядя на бегущего во всю прыть Ждана. Справа от того вдруг разлетелась в стороны изумрудными брызгами зелень, и из чаши вывалилось чудище размером с индейского слона, но приземистое. Такого зверя Радята никогда не видывал — то ли змей, то ли ящер, то ли вовсе чудо-юдо. Бежало оно, как ящерица, извиваясь всем телом, хлопая по песку длинным остроконечным хвостом. Крупная и темная чешуя отливала на солнце медью, голова с огромной зубастой пастью ходила из стороны в сторону на очень длинной морщинистой шее. Взрывая песок когтистыми лапами, чудовище мчалось за Жданом, определенно намереваясь перекусить заезжим чужестранцем. И его спутниками, если те не поторопятся.

Радята и Витослав поторопились — рванули к «Соколу», не сговариваясь, а Аля взмыла ввысь, тревожно крича.

Молодой обаянник вскарабкался на корабль ловко и стремительно, как Нума, а вот кряхтящий повар замешкался, с трудом подтягиваясь на ходящей ходуном веревочной лестнице. Едва он перевалился через борт и неловко плюхнулся на палубу, как следом запрыгнул мокрый от пота Ждан с перекошенным от ужаса лицом.

— К оружию! К оружию! — кричал он.

Будто отвечая на его слова, над бортом «Сокола» поднялась чешуйчатая голова медного цвета. И прямо в лицо Радяте уставились пустые и черные, как акульки, глаза.

— А ну прочь! — гневно закричал Витослав. — Кыш-кыш! Пошел прочь!

Он уже где-то раздобыл копьё и теперь бесстрашно бросился вперед, угрожающе тыкая острием прямо в оскалившуюся зубастую пасть. Змеяящер лишь ослабился в ответ, раскачивая головой из стороны в сторону.

— Бей его, бей! — закричал Радята, не понимая, почему Витослав только пугает копьём страшного зверя, который сам кого хочешь испугает.

Длинными когтями чудище полоснуло по борту корабля, оставляя в волшебном дереве глубокие шрамы. Корабль закрипел, заныл всем телом, волна дрожи прошла от носа до кормы,

ИСКУШЕНИЕ

и палуба резко дернулась. Как будто стало больно «Соколу» и теперь он пытался сбросить чудовище на мелководье.

Змеящер чуть не опрокинулся, когда борт качнулся в его сторону, но равновесие удержал, засипел и повернул зубастую башку к Ждану, который уже снимал с борта большой щит. «Не успеет!» — испугался Радята за парня, глядя, как чешуйчатые, перепачканные в мокром песке когтистые пальцы тянутся к матросу. Еще мгновение — и схватит его чудовище, сомнет, выдернет за борт на берег.

Но гадина не успела — на нее налетела Аля, забила крыльями, заклекотала громко и яростно, целясь когтями в антрацитовые глаза. Будто не храбрый алконост ринулся на тварь в сотни раз больше себя, а стая орлов атаковала трусливого суслика.

За Алю Радята тоже испугался. Но страх вдруг помог сообразить, что надо защищаться. А раз защищаться...

— Ждан, живо на нос! К водобою!

И вновь ощутив дрожь под ногами, крикнул уже во весь голос, даже не сообразив толком, что делает:

— «Соколик», уходи! Давай назад! Уходи от берега!

Крикнул, лишь на одно понадеявшись — что чудовищный медный ящер ни летать, ни плавать не умеет. Тот пытался отмахиваться от юркой птицы, шипел и брызгал слюной. Вот он встал на дыбы, опираясь на длинный хвост, оторвавшись от борта... и этим воспользовался «Сокол»: быстро дернувшись назад, он кормой вперед стремительно пошел на глубину, подальше от берега. Аля по-прежнему прикрывала отход, вертясь вокруг головы змеящера, а на носовой площадке поднялся водобой-брызгун и зашумел, наполняясь водой.

Ждан уже собирался располовинить чудище смертоносной струей, но к нему подскочил Витослав и схватил за руки.

— Не надо! Алю заденешь! Да и ушли мы, успели!

Они и в самом деле ушли — чудище в воду за кораблем не полезло, а Аля, убедившись, что «Сокол» в безопасности, тут же оставила змеящера в покое. Ай да дивоптица! Прав был капитан — защитила птичка птичку... Вернувшись к друзьям, алконост устроилась на борту и как ни в чем не бывало принялась

чистить перышки, даже не глядя в сторону чешуйчатого противника, что покрутился немного на пляже, похрипел, а потом вразвалочку двинулся назад в лес.

Можно было перевести дух, но Радята слишком переживал, чтобы отдыхать.

— Это ж надо! — причитал он, напряженно глядя, как исчезает в зарослях остроконечный хвост чудища. — И как нам теперь по следам идти? Как Садко сыскать, на помощь поспеть?

— Сыскать-то мы их сыщем, — заметил Витослав, опираясь на копьё. — Попробую тварей лесных да воздушных созвать, чтобы подсказали. Только высаживаться все равно придется, а змеешер мог и недалеко уйти. Мало ли, может, притаился в зарослях, нас ждет? Да и кто его знает, сколько еще в здешних местах других чудищ обитает...

— Хорошо, что я на валун забрался. — Ждан стоял, уперев ладони в колени, и пытался отдышаться. — С высоты приметил, как листва шевелится, а среди деревьев что-то крадется. А не заметил бы — переваривался бы уже в животе чешуйчатом.

— Да, дурость твоя нас спасла. Вот додумался — на камни прибрежные лезть. А ногу бы сломал? — попенял смутившего матроса Радята и вдруг прищурился, повернувшись к Витославу: — Скажи-ка, обаянник, а чего ты эту чудо-юду не околдовал? Ты же всяким зверем и птицей повелевать можешь.

Чародей небрежно пожал плечами:

— Чтоб научиться управлять, время надобно — голос зверя послушать, разобраться, на какие звуки откликается. Это, к слову, не чудо-юдо, такую меднокожую диковину я сегодня впервые увидел. Времени знакомиться не было, пришлось вот копьём тыкать.

— Не больно ты и тыкал, — проворчал Радята. — Попугал малость, и все. От Али и той больше толку было...

Витослав нахмурился — ох и не понравились ему слова повара!

— Зверь берег свой защищал, — объяснил обаянник. — Не его вина, что природа такова — коль увидел чужака, сгоняй со своей земли! Мы тут гости незваные, а он всю жизнь на этом острове прожил.

ИСКУШЕНИЕ

— А-а, так ты поэтому не дал его прикончить? — догадался Ждан, снимая рубашку и выжимая.

— Не было уже угрозы, — сказал как отрубил чародей. — А убивать ради убийства — не по мне. И не говорите, что по вам! Иначе нам не по пути.

Ждан с Радятой переглянулись, а рядом замерла Аля, прислушиваясь к разговору.

— Не по нам, — наконец кивнул кашевар. — Мы ж не звери, лютовать...

— Звери редко лютуют, — уже спокойней возразил Витослав, присаживаясь у борта. — Что дальше делать-то? Так и будем на месте стоять, на берег пялиться?

Ждан чесал затылок, а Радята посмотрел на корму, где недалеко от руля стоял постамент с волшебной картой.

— Сейчас решим, — он быстро пошел, почти побежал, на кормовую надстройку.

Чувствовал он себя очень глупо. Вдруг не получится? Вдруг карта лишь капитана да кормчего слушает, а простому кашевару и не покажет ничего? Как за нее берутся-то... Однако стоило взглянуться в линии да черточки, как они вдруг сами собой задвигались. Будто птица снижалась над островом! Вот он нарисован целиком — маленькая точка в море, а через несколько ударов сердца уже вся береговая линия развернулась перед моряками. И даже крошечный «Сокол» на рисунке появился!

От бухты, где качался на волнах корабль, вправо тянулась цепь мелких скал, уходящая в море довольно далеко. А вот слева... Радята склонился над картой совсем низко, крикнул, вытер ладонью капли пота, упавшие со лба. Взгляд его уперся в устье большой реки, что впадала на западе в широкий залив. Река длинной, извилистой и разлапистой молнией тянулась далеко в глубь острова. Похоже, здесь она была самой полноводной: в нее впадали и мелкие речушки, и более крупные притоки... Один из них и привлек внимание Радяты. Он постучал ногтем по карте.

— Гляньте-ка сюда. Видали когда-нибудь такое?

Приток, привлекий внимание повара, выглядел судоходным... да только плавно обрывался. Другие-то отображались на

карте привычно: у истока — узенькие, ближе к большой реке — потолще, а здесь — будто стер кто-то начало речки.

— Хммм, — промычал озадаченно Витослав, склонившись над плечом Радяты. — Странно... Словно поток прям из земли бьет... Ты прав, не видал такого никогда.

— Может, карта поломатая? — предположил Ждан.

— Голова у тебя поломатая, — поддразнил матроса Радята. — Волшебная она, раньше никогда не ошибалась, а тут вдруг испортилась? Нет, странное это что-то. Эх, жаль, сушу не показывает, что и где — не разобрать.

Это была чистая правда. Сам остров на рисунке выглядел как старательно обведенное темными границами пустое пятно, сияющая гора — и та не отмечена. «Соколик» хорошо разбирался в море, но на сушу заглянуть не мог.

Жаркая тишина всколыхнулась: Аля забила крыльями, напоминая, что времени у них в обрез. Ее поняли все и разом. Витослав провел пальцем по обрубленному притоку и руслу основной реки.

— Река полноводная, определенно. От устья подняться вверх можно, «Соколик» справится.

— *Верное решение*, — вдруг пронеслось в голове у кашевара, выходит, дивоптица их задумку одобрила.

— Так и сделаем. Вдоль берега пойдем, на запад, к устью, — решил ободренный поддержкой Али Радята. — Дальше — вверх по реке, в глубь острова проберемся. А там уже найдем удобное местечко, сразу высадимся, а ты, не теряя времени, своим колдовством зверей да птиц очаруешь. Кстати, боевую волшбу ты ведаешь?

Витослав развел руками:

— Боевую — не боевую, но кое-какие приемы знаю; сделаю все, что смогу. Меня другое тревожит: а ну как Садко сотоварищи решат на берег вернуться? Увидят, что их тут змеешер поджидает, а нас и след простыл?

— Вот поэтому и нужно их найти прежде, чем они к бухте направятся, — твердо произнес Радята.

Произнес — и сам себе не поверил. Справятся ли они? Сумеют ли? Эх, ну почему не хватает у него решительности и захватского азарта, как у капитана?

ИСКУШЕНИЕ

— Да уж войско из нас: три спицы да малая птица, — пробурчал Ждан, подбрасывая дровишек в костер сомнений.

— И рыба, — брякнул Радята прежде, чем прикусить язык. Ух, как не любил Мель, когда его за глаза рыбой называли.

И ведь как почувствовал диволоуд — высунул из трюма свою гребнистую голову. Похлопал большущими глазами, привыкая к солнцу, и сонно спросил:

— Что-то случилось? Моё спало...

* * *

Не обманул хозяин острова: после пира одна из служанок Арвелы повела моряков по длинной светлой галерее. Девица была привлекательной, только неразговорчивой, на ухаживания Каратана и Абахая отвечала вежливой улыбкой, но не произносила ни слова, а смотрела будто куда-то внутрь себя. Впрочем, любвеобильные моряки быстро от нее отстали — после обильного застолья все широко зевали и причмокивали, мечтая об отдыхе и полуденном сне. Идти пришлось недолго, всего лишь до большого углового зала.

Здесь на полу лежали пушистые мягкие ковры, подушки да покрывала. На низких мраморных столиках возле стены стояли кувшины с водой и соком на случай, если со сна пить захочется. Большое окно в сад было приоткрыто, и оттуда лились тихие птичьи трели, а на просторной террасе светились лазуритом несколько больших купелей, куда заливалась из золотых фонтанчиков нагреваемая солнышком вода.

Садко нестерпимо захотелось снять сапоги, скинуть пропитавшуюся солью да потом одежду, пройтись босыми ногами по ковру, поплескаться в купели, а потом, рухнув на подушки, подремать хоть немного... После сытного обеда и в самом деле тянуло в сон. Но делать нечего, обещал помочь — держи слово.

— Отдыхайте, — велел он уже развалившейся на подушках команде. — Сил набирайтесь.

— А ты как же? — Полуд зевал во весь рот, но все равно пекся о безопасности капитана. — Один с Товитом пойдешь? Руфа для охраны возьми... или Бану...